С-322
С32

С. И. СЕРГЕЛЬ

На золотых приисках

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1927

С-32

С. И. СЕРГЕЛЬ

91(57)
С-32
ПОГАШЕНО

НА ЗОЛОТЫХ ПРИИСКАХ

ОЧЕРКИ ПРИИСКОВОЙ ЖИЗНИ

ПОГАШЕНО
Учебная Библиотека
К. У. Т. В.
Проверено 1937 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1927

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
576126

Гиз № 17830
Ленинградский Гублит № 26503
6 1/4 л. Тираж 5.000.

НА РАБОТУ.

Друг Сергей!

Ты как-то говорил мне, что тебя интересует жизнь сибирских приисков, и ты хотел бы на них поработать. Могу помочь тебе осуществить свое желание. Дело в том, что я получил летнюю практику на большом руднике в горах Кузнецкого Ала-тау и здесь познакомился с одним человеком, ищущим себе старшего рабочего на начинающееся золотое дело. Этот человек представляет из себя нечто среднее между обыкновенным таежным бродягой-золотоискателем и мелким золотопромышленником. До последнего времени дела его были очень плохи, но этою весною он нашел себе компаниона с небольшими средствами, с помощью которых расширяет свои работы. Ему нужен второй человек (один уже есть), которому он мог бы вполне довериться, и который утайкой золота или воровством его не спутывал бы его поисковых работ. Он может оплатить тебе проезд до места работы и дать вознаграждение в размере — 50 руб. в месяц.

Если согласен взять эту работу, то телеграфируй об этом немедленно по адресу: с. Тисуль, Мариинского уезда Томской губернии, Степному, и тотчас выезжай на работу. Если денег нет, займи, Степной тебе их уплатит по приезде в Тисуль.

Путь таков — поездом до ст. Тяжин (за Мариинском), от Тяжина на подводе до Тисуля. Если Степного в Тисуле не окажется, то поезжай прямо на работы, на прииск Полуденный. Денег на дорогу надо иметь рублей 35.

Итак, решай и немедленно телеграфируй тот или иной ответ. До телеграммы Степной никого нанимать не будет.

О своем житье напишу в другой раз. Всего лучшего.

2 мая
1913 г.

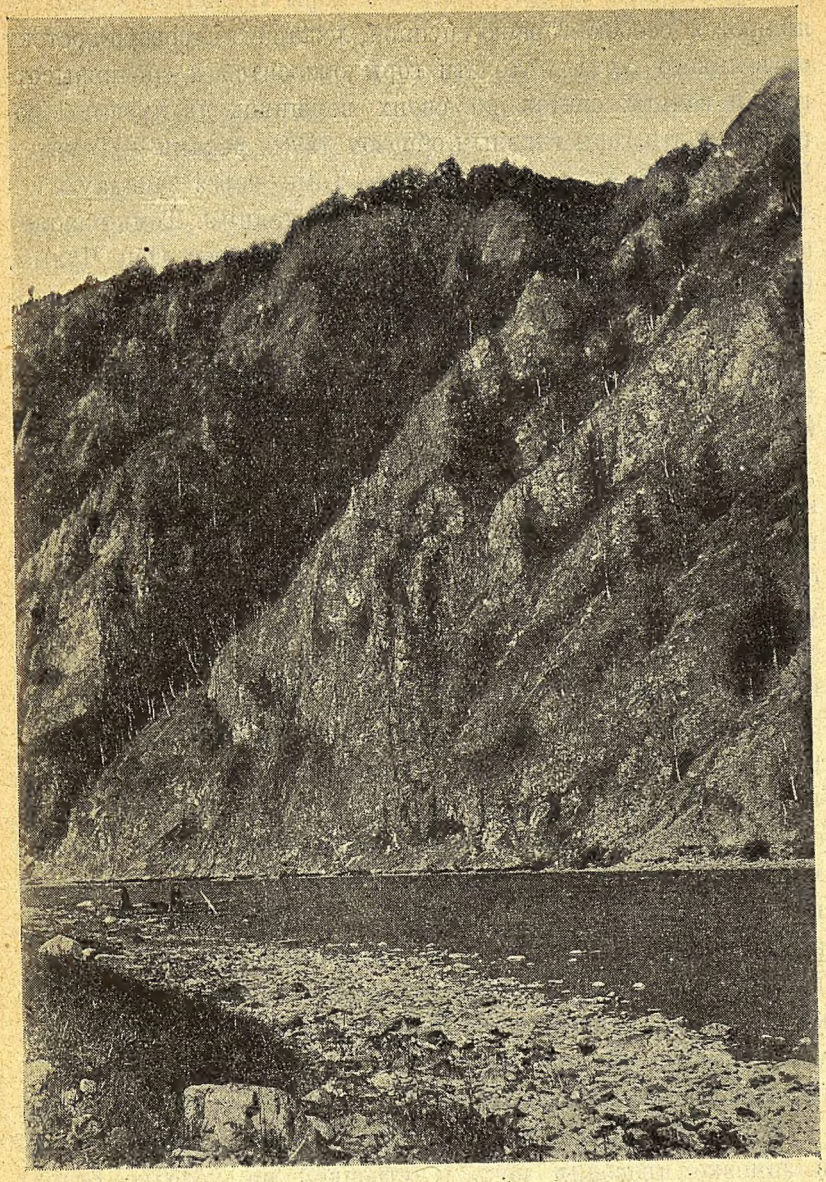
Твой *И. Порфирьев.*

Письмо приятеля обрадовало меня чрезвычайно. Оно принесло мне совершенно неожиданный и очень интересный выход из крайне тягостного материального положения. Вместе с окончанием учебного года окончились и все мои заработки в виде разного рода уроков, и я очутился в положении рака на мели.

Недолго думая, достал в землячестве заимообразно тридцать пять рублей, уложил нехитрые вещи в спинной походный мешок, купил руководства по золотой разведке и по металлургии золота и на другой день уже мчался на восток в вагоне прямого сообщения Петербург — Иркутск. Как ни тянуло меня смотреть в окно вагона, я в него не смотрел, и весь ушел в штудирование руководств по золотому делу, чтобы не быть на работе, как в темном лесу.

Мелькали станции, города, губернии, пересекались огромные реки, кончались леса и раскидывались необозримые степи, и снова подступали темные леса, у меня же в голове было золото, кварцевые жилы, пески с золотом, амальгамация, хлоринация, цианирование и т. д. и т. д.

В возке продолжал приводить в порядок усвоенный материал, и к Тисулю золотое дело уже не было для меня китайской грамотой.



Река Кия.

Кроме того, я уже знал, что горы Кузнецкого Ала-тау являются особою горною группой, лежащею к северо-востоку от великого Алтая, что эти горы относятся к средневысотным и вечных снегов на своих вершинах не имеют. Прорезаются эти горы главным образом двумя реками — Томью и Кией. Обе текут с юга на север, Томь через западную половину горного массива, Кия через восточную. Томь впадает в великую реку Обь, Кия в большой приток Оби Чулым. Обь ограничивает горы с запада, Чулым с востока. К юго-востоку от Кузнецкого Ала-тау начинается горная Монголия.

В Тисуле Степного не оказалось. Поэтому нанял здесь верховую лошадь с верховым же проводником и отправился на Полуденный.

Скоро на горизонте засинели волны гор. Ближе и ближе надвигаются молчаливые великаны. Вот ближние громады из чисто синих становятся зеленоватыми, начинают вырисовываться темные лощины и ущелья, падающие вниз серые утесы.

Оставляем колесную дорогу и сворачиваем на узенькую верховую тропку. Начались горы. Тайга приняла нас в свои зеленые объятия. Дорожка прихотливо зазмеилась по склонам гор, сбегала вниз к шумным потокам, взбегала на невысокие перевалы.

Наконец, подъехали к Кие. Широкая река быстро мчится меж скалистых, поросших тайгой, берегов. Проводник понукает лошадь итти в реку, здесь брод. Я еду за ним. Лошади прядут ушами, осторожно ступают, направляясь наискось к противоположному берегу. Вода бурлит кругом лошади, окатывает брызгами ноги. Оступись конь, упади, тогда уже ему не подняться на ноги: вода покатит и потопит на глубоком месте.

Берег близко, лошади выходят из воды, фыркают. Здесь в зимовке проводим ночь и утречком на холодке отправляемся дальше.

После полудня за поворотом тропки показались три строеньица Полуденного.

Когда мы подъехали к крыльцу, из дома вышел пожилой человек, отрекомендовался хозяином прииска Степным и приветливо ввел меня в помещение.

— А вот моя правая рука, Трофим Гаврилович Адрианов,— указал Степной на вошедшего молодого служащего.

Последний застучал кулаком в досчатую перегородку.

— Фаина Прохоровна, готовь скорей самовар, да поесть чего-нибудь получше!

— Ладно, поспеете,— послышался из-за перегородки недовольный женский голос.

БУТАРА.

Когда-то здесь был прииск, кипела работа, и лихорадочно суетились люди, промывая драгоценные пески и собирая блестящие, крупные зерна золота. Об этой былой работе говорят огромные свалы промытой гальки, полусгнившие и развалившиеся остатки плотины и лотков для воды, искусственное русло шумливой речки Полуденного Кундата теперь обратившееся в болото, да три плохонькие строения,— в одном из них жил, вероятно, управляющий прииском, во втором помещались рабочие, а третье служило амбаром.

На последнем уже не было крыши: ее растаскали на дрова летучки, т.-е. артели вольных золотоискателей. Постройки эти были совсем плохи и видом своим напоминали трех дряхлых старух, опустившихся бессильно у дороги отдохнуть; срубы сселись, обе крыши посредине вогнулись, сквозь множество щелей проникала дождевая вода и врывалось холодное дыхание ветра. Строения стояли в котловине на правом берегу речки. Чтобы выйти к ней, нужно было сначала перейти по бревнам пруд — остаток старого

русла — весь наполненный черными головастиками, и пересечь заросли тальника, который местами зелеными густыми букетами наклонялся над самою водою, местами отступал от нее, очищая засыпанные желто-серою галькою косы. Кругом жилья пышно разросся малинник, а за ним, от обоих берегов Кундата, поднялись к верху широкие размашистые горы. Темнозеленая густая щетина тайги покрыла их сверху до низу, легко устремляясь к небу бесчисленными тонкими, как иглы, верхушками пихт и елей. На волнистых вершинах они вырисовываются, как воздушные зубцы величественной зеленой стены. Гигантские синие и красные колокольчики, вспыхивающие голубым и красным пламенем под потоками лучей горячего солнца, ослепительно-желтый куреслеп, ромашка, ярко-оранжевые звездочки-огоньки, стыдливо прячущиеся незабудки, трепещущие от свежести и аромата ландыши, высокая и густая трава — все эти цветы и травы роскошным цветным ковром устлали тайгу и радостной, блестящею толпой подступили к самому нашему жилью, задорно выглядывая из гущи малинника.

Пересекая чащу тайги, к нам вело несколько узеньких тропок, годных лишь для путешествия пешком или, в лучшем случае, верхом на лошади. Две из них соединяли нас с такими же одинокими и брошенными приисками, как и наш, третья — с большим работающим рудником. Кроме того, на ближайшей к нам горе поселился медведь, устроивший себе отличную постель под старым и густым кедром в какой-нибудь версте от строений. Он промял к речке особую тропу и каждую ночь ходил по ней пить воду, подымая всегда большую тревогу среди наших животных: собаки начинали заливаться отчаянным лаем, а пасущиеся около лошади голопом неслись к строениям, гремя колокольцами и гулко стуча копытами по земле. Наконец, пятая тропа, проложенная дикими козами, вилась по самому берегу Кундата и пропадала у болотца на той стороне, где эти жи-

вотные паслись каждую ночь. Под утро козлы начинали громко кричать, подманивая самок, и в ответ им тотчас поднимался лай собак, но уже гораздо более спокойный, без примеси той тревоги и того страха, который ясно слышался в их лае на медведя.

Несмотря на всю ветхость построек, жить в них было все же лучше, чем под открытым небом. Одно строение, с русскою печью и более обширное, заняли рабочие — их было немного, человек пять холостых да трое с «бабами», а во втором, разделенном досчатою перегородкой на две половины, поместились: в одной половине я с хозяином, а в другой служащий Трофим Гаврилович с женой и тремя малыми детьми. У служащего так даже оконных рам не было, и жена его ограничивалась легкими занавесками, опускавшимися на ночь.

В нашей половине было одно большое окно, выходившее на речку, перед ним длинный стол, а по обе стороны от окна, вдоль стены, были приделаны две досчатые скамьи, служившие кроватями. У третьей стены, против окна, стояли два сундука, наполненные разным хламом, больше разными книгами специального содержания, относящимися к горному и золотому делу. Три висячие полки были завалены тоже книгами и инструментами, а рядом с ними, на длинных гвоздиках, лежали свернутые трубками планы и чертежи. Наконец, на стене висела страшно фальшивившая гитара, звук которой был очень похож на звук от удара ладонью по подушке, скрипка с отбитым боком у деки и дребезжащая мандолина. Тоненькая перегородка отделяла нашу комнату от сеней с железной печкой и темного чулана с припасами. Окно нашей комнаты было обращено на север, и солнце заглядывало к нам лишь рано утром. Днем же, когда на дворе было так светло, тепло и радостно, в комнате было темновато, холодно, тоскливо, и хотелось поскорее выйти из нее на свет.

Теперь несколько слов о нашем хозяине.

Повыше среднего роста, светловолосый, с большими усами и маленькой бородкой на продолговатом лице, украшенном большим носом, с добрым застенчивым взглядом, узкогрудый и узкоплечий — он производил на всякого мягкое и приятное впечатление. Он то и дело одергивает и поправляет белую косоворотку, поглаживает волосы и приговаривает: ну, ладно, — хотя несравненно вернее было бы приговаривать что-нибудь противоположное по смыслу — ну, хотя бы — отвратительно, так как дела его всегда были в крайне плачевном состоянии. То кто-нибудь находил богатое золото в местности, которую Петр Иванович только-что бросил, как совершенно безнадежную относительно золота, то не было денег на покупку провизии, и приходилось униженно просить богатеев о ссуде муки в долг, то не было чем платить рабочим, и они начинали шуметь и гудеть. В другой раз плоты с разными товарами разбивались о камни, и товары пропадали, или солидный прииск приносил лишь убыток, потому что попадался вор служащий. Было и так, что Петр Иванович в критическую минуту заболевал тифом, и мнительный компаньон, трясясь и падая в обморок от страха заразиться, устремлялся с возможною скоростью в Россию (так зовут сибиряки Европейскую часть СССР), то... Впрочем, нет возможности перечислить все те бесчисленные напасти и беды, которые всегда и везде преследовали несчастного Петра Ивановича. Поссорившись с мачехой, Петр Иванович бросил семью, гимназию и начал вести самостоятельную жизнь, полную лишений и мытарств. Много прошло времени, пока ему удалось скопить небольшую сумму денег и с нею отправиться в Сибирь искать золото. И вот он уже семь лет ищет его, сбережения давно истрачены, ему стукнуло сорок лет, волосы от невзгод засветились серебром, на лице легли морщинки, легла тень горечи и муки. Другой на месте Петра Ивановича давно махнул

бы на все рукой и успокоился бы, если не внутренне, то хоть наружно, но Петр Иванович все еще борется и барахтается, силясь победить препятствия и добиться своего. Энергии остается все меньше и меньше, из узкой груди все чаще и чаще вырываются подавляемые, непрошенные вздохи, еще недавно волновавшая его кровь мечта о богатстве становится все бледнее и бессодержательнее, и на место этой мечты начинает все яснее, ярче и мучительнее сверлить уставший мозг другая мечта — мечта об отдыхе, о покое, о какой-нибудь определенности, об уюте теплого гнездышка семьи. Чем дальше идет время, тем эта последняя мечта принимает более и более реальные формы, тогда как мечта о богатстве уходит куда-то вдаль и незаметно расплывается в ничто.

Наконец, Петр Иванович решил сделать последнюю попытку. Он наметил место, где (он был в этом совершенно уверен) должно было находиться золото, и достал на разведку 1000 руб., конечно, на самых тяжелых условиях: если золото будет найдено, то половина дохода отчисляется ссудившему деньги под разведку богатею. Наш стан находился как раз в центре этого места.

Но 1000 руб. такая ничтожная сумма... Ее едва-едва хватит на самую поверхностную и сомнительную разведку, а между тем впереди долгая лютая зима, безденежье, значит, необходимо не только вести разведку, но и заботиться о грозящей голодной зиме. Страх этот и заставил Петра Ивановича одновременно с отыскиванием жилы заняться и мелкою добычею золота, в небольших количествах встречающегося здесь во многих местах. Так он и перебивался: то мыл золото, то вел разведку.

С той стороны в Кундат впадал маленький ключик, на котором кто-то когда-то искал золото, оставив следы своих поисков в виде шурфов — т.-е. глубоких ям. Ключик приглянулся двум золотничникам — отцу жены служащего Адриа-

нова и Ивану «подзаводскому», служившему когда-то в казенных копях, но променявшему спокойную оседлость на беспокойную и неверную, но вольную жизнь в тайге. Столковавшись и получив от Петра Ивановича разрешение, они начали мыть на ключике пески и каждый вечер приносили на стан по 5 — 7 золотников рассыпного золота, отдавали положенную часть Петру Ивановичу, а остальное делили между собою. Золотник золота в наших местах идет за 4 р. и, таким образом, барыши золотничников были очень недурны Но скоро ключик от засухи пересох, воды на промывку не хватало, и старик со своим компанионом были вынуждены прекратить работу. Тогда за этот ключик решил взяться Петр Иванович, уверенный, что если два человека намывали в день 5 — 7 золотников, то полдесятка рабочих золотников 10 — 12 всегда намоют, а это уж доход для безденежного предпринимателя очень почтенный. С водой же устроились следующим образом: около ключика нашли болотце с бьющими со дна ключами и запрудили его плотиною, которая открывалась лишь на время работы, а все остальное время была закрыта: за ночь в болотце успевало набраться достаточно для дневной работы воды.

Золотоносный песок в тачках по выкатам, т.-е. по узкому досчатому настилу, доставлялся к болотцу. Из последнего ручейком выпускалась вода, шедшая затем по системе желобов. В один из них и выбрасывался песок, пробивался и промывался. Когда все эти приготовления были закончены, Петр Иванович распорядился, чтобы с завтрашнего дня были начаты работы. Часть рабочих попрежнему будет бить шурфы, отыскивая жилу, а остальные — человека четыре — займутся вскрыванием турфов, т.-е. снятием с золотоносных песков верхнего наносного пласта — турфа — два накладыванием песков в тачки и доставкой их к желобам, и, наконец, еще двое вместе со мной — промывкой их. Сверх того, на моей обязанности лежало следить за

работавшими, чтобы они не таскали с лотков осевшие крупинки золота, на что таежный рабочий всегда готов, что он умеет делать с большим мастерством и чем может совершенно спутать планы ведущего работы.

Рано утром меня и Петра Ивановича разбудил стук в дверь. Это был служащий Адрианов.

— Встава-ай! — протяжно прогудел он в дверную щель и пошел к казарме рабочих.

— Падыма-айсь, ребята, — уже веселее и повелительно крикнул он, стуча в казарменную дверь.

Через минуту она медленно заскрипела, послышался кашель, зевота и мирное перекидывание словечками, грохот самоварной трубы и частое хлопание сапога, которым старуха Авдотья раздувала огонь в самоваре.

Когда я и Петр Иванович были готовы, Фаина Прохоровна (жена Адрианова) принесла в комнату и поставила на стол поднос со стаканами, с молоком для чая и тарелкой нарезанного ломтиками хлеба, а через несколько минут и важно клокочущий самовар. К столу подсел Петр Иванович, Адрианов и я, а Фаина Прохоровна ушла к себе досыпать.

Петр Иванович, попивая чай, давал Трофиму Гавриловичу указания, где поставить рабочих на разведку, где бить шурфы, т. е. копать ямы, и где проводить штреки — длинные рвы.

Наконец, мы отправились мыть золото. Рабочие двигались один за другим по узенькой тропинке, перешли по бревну Кундат и по продолжению той же тропинки вступили в лес. Было совершенно тихо, тайга хранила спокойное молчание. Заморосил дождик. Все тона и краски смягчились, расплылись, все приняло неясные очертания, сделалось как будто прозрачным. Старые пихты, обросшие клочьями седого мха, стояли точно окаменелые в глубокой задумчивости, простерев широкие, серо-зеленые лапы над извива-

ющейся тропинкой, как бы желая скрыть ее от чьего-то глаза.

Через каких-нибудь полчаса мы были уже у ключика. Часть рабочих осталась здесь, а я с двумя парнями лет по 17 — 18 прошел еще шагов пятьдесят к запруде болотца, где стояла бутара. Трофим Гаврилович открыл шлюз, и вода стремительно бросилась в желоба, затем в «колоду» (длинное корыто) и на «грохот», т.-е. на железную плиту с круглыми отверстиями, покрывающую собственно бутару — нечто в роде деревянного ящика с покатым дном и открытого одной стороной для выхода воды. Дно бутары перегораживается четырьмя плинтусами — деревянными порожками, у которых задерживаются крупинки золота. Но большая половина его осаждается еще в колоде, в которую сваливается из тачки песок. Длина колоды около четырех аршин, ширина — около трех четвертей и глубина около полутора четвертей. Бутара раза в два короче колоды, но немного шире ее.

Но вот из чащи доносится повизгиванье тачечного колеска, и из-за поворота тропки показывается Никита, катящий перед собою полную песку тачку. Еще минута — и к нам в колоду валится куча песку, перемешанного с галькой, глиной, торфом и травой.

Вода в колоде запрудилась, замутилась и вдруг понеслась по пескам вниз бурым потоком. Я с парнями изо всех сил принялись шевелить пески в колоде гребками в роде мотыг, только с отверстиями в железках для прохода воды. Мы двигали пески вверх по колоде против струи, спускали их вниз, снова тащили вверх и опять вниз, пока вся глина не была унесена водой, пески тоже, и на грохоте не осталась куча крупной гальки и мелкого гравия. Этот материал сгребали с грохота гребком и лопатой на сторону, в отвал.

Не успели мы пробить одну тачку песку, как в колоду уже летит другая, запруживая несущуюся воду. На секунду

Промывка золотоносных песков на бутаре на Ленских приисках в Восточной Сибири.

прекращается ее журчание, и вдруг сразу она бросается через песок и края колоды, обдавая нас мутными брызгами и струями. Мы опять изо всех сил принимаемся разбивать комья, протирать и промывать пески, то и дело поглядывая на дорожку — не приближается ли Никита с тачкой. Мы фыкаем и фукаем на комаров, кусающих губы, забирающихся в нос, уши, глаза, судорожно подергиваем всем телом, которое больно жалят слепни.

Пот вытереть некогда, и его соленые большие капли без конца катятся по губам, подбородку, застилают глаза. Им пропитана наша одежда, и кажется, что мы только-что в нем купались. Руки от усталости немеют, от согнутого положения ломит поясницу, мы скорее спешим домыть песок, чтобы мгновение передохнуть, и вдруг слышим знакомое повизгивание движущейся тачки, через секунду обрушивающейся на наши гребки. Мы невольно выпрямляемся, секунду стоим неподвижно, вяло глядя на кучу песка, но тотчас опять принимаемся лихорадочно работать. Пробив тачек десять, мы уже совсем обессилели и сгребали песок, почти не промывая его.

Проходит еще минута, и я чувствую, что больше не могу работать, что мускулы рук перестали двигаться, а в пояснице ощущается невыносимая боль. Я начинаю поспешно перебирать в уме выходы из положения, как вдруг на гребок неожиданно падает новая партия песка, и с этим Никита спокойно произносит: — закури. С неизъяснимым наслаждением ставлю я у колоды гребок и растягиваюсь на днище обернутого вверх дном старого лотка. Я не шевелю ни одним мускулом тела, всецело отдавшись наслаждению покоем, глаза невольно закрываются, и я впадаю в тяжелое полузабытье, теряя представление действительности, несясь куда-то в смутном хаосе мыслей и воспоминаний, готовый вот-вот совсем заснуть, как вдруг какой-то нервный толчок заставляет меня разом проснуться. Я вска-

киваю и с подозрением смотрю на парней. Но те, усталые, сидят на концах гребка, положенного поперек колоды, и беседуют.

Разговор парней — сплошное сквернословие. Особенно отличается Макся, видимо, побывавший около горных заводов и вполне усвоивший тонкости этого своеобразного сквернословного наречия. На подобие сыплющейся дроби вылетали из уст Макси короткие словечки то в качестве эпитетов, сравнений, то заменяя целые выражения своей интонацией, забористой приставкой. Максе слабо подражал Григорий, еще мало выходивший из тайги, наивный, простой и неиспорченный. Развязность и циничность Макси огорошивали его, уверенность покоряла, и Григорий проникался все большим уважением к товарищу. Не желая ударить лицом в грязь перед новым другом Григорий и сам пробовал сквернословить, но у него это выходило, так сказать, с конфузом, неуверенно и натянуто, точь в точь, как у неудачных острякков, сказавших неумело и невпопад остроту и незнающих, куда после этого деваться от смущения.

— А ну, расскажи, Макся, про Ларку, — попросил Григорий и, обернувшись ко мне, добавил: — вот послушай-ка, Сергей Иванович, больно занятно. И откуда только у него берется!

Началась нескончаемая повесть про Ларку — дурака, учинявшего на прииске всякого рода безобразия. Слушая эту повесть, хотелось сплюнуть, отвернуться, не слушать. Макся говорил спокойно, без тени улыбки или смеха на лице. Григорий же поминутно деланно и насильно смеялся. Хотя ему и не было смешно, но он хотел показать товарищу, что вполне постигнул прелесть рассказа, и что он вообще славный и бравый малый.

Но вот послышалось визжание приближающейся тачки, и мы взялись за гребки. Опять закипела работа, полился пот, зазвучали короткие сердитые слова по адресу безжа-

ПОГАШЕНО
576126

лостных комаров и слепней. Попрежнему скоро заныла поясница, одеревенели руки и, казалось, что вот еще секунда, и гребок выпадет из руки. На меня находит какое-то одурение — работа мозга совершенно останавливается, работаю автоматически, почти без сознания. Спасительное — закури! — выводит меня из этого состояния, я отбрасываю гребок и опускаюсь на кочку.

Макся продолжает свой рассказ про Ларку, Григорий — насильно смеется.

Кругом вьется масса огромных слепней. Я схватываю одного из них и подношу к торопящемуся куда-то по песку муравью. Это его озадачивает, он останавливается, минуту стоит неподвижно и вдруг решительно схватывает вырывающегося из моих пальцев слепня. Я разжимаю пальцы, и между двумя насекомыми завязывается отчаянная, смертельная борьба. На эту пару наткнулся пробегавший мимо муравей. С минуту он постоял в нерешительности, а затем схватил слепня за заднюю часть, и скоро все трое скрылись в густой траве.

Визжание приближающейся тачки заставило всех стать у колоды. Снова закипела молчаливая работа, по телу заструился пот, стали подергиваться тела от укусов комаров и слепней. Только после полудня был перерыв подольше, с чаепитием. Под пихтой был разведен огонь, вскипячена вода в котле и чайнике. Для вкуса в котел были брошены листы смородинного куста, что делало чай, действительно, более приятным и ароматным. Закусывали черным хлебом. Не смотря на то, что завтрак был так скромен, силы после него как будто прибавились, гребок показался легче и будущее светлее. Тяжеловато только было от шести стаканов чая.

Незаметно подошел вечер. Плывшие весь день по небу тучи столпились на западе, почти закрыв опустившееся солнце. Последний, помутневший в тучах луч его упал

вдруг бледным пятном на колоду, через минуту мелькнул на верхушке старой засохшей березы и исчез. Кругом заныли и заколебались мириады комаров и скрылись в траву степи. От усталости голова совершенно перестала работать.

— Последняя, — сказал Никита, вываливая песок из тачки в колоду.

Наконец. А вот и Трофим Гаврилович замелькал между деревьев, тяжело ступая большими сапогами по выкатам. Он тоже очень устал, что видно по его полуоткрытому рту, по его одеревеневшему лицу и бессильно опущенным кистям рук. По дороге он закрывает выход воды из болотца и подходит к бутаре, чтобы собрать золото, осевшее на дно колоды и бутары. Тихою струей смывается оставшийся еще песок, и тотчас в разных местах заблестели зерна золота среди черного шлиха. После долгой и осторожной промывки и работы гребком, собирается, наконец, в одном месте кучка из золотинок, сгребается в железный маленький черпачек, высушивается на огоньке и ссыпается в бумажный мешечек. На вид было золота золотников 4—5, т.-е. рублей на 16 — 20. Это промывка далеко не блестящая, но все же представляющая некоторые выгоды.

Совершенно разбитые и голодные пришли мы на стан. Обед состоял из мясного супа и кислого молока. Петр Иванович не переставая и оживленно пикировался с Фаиной Прохоровной, все время язвившей Петра Ивановича за его неудачи, за недостаток во всем необходимом, за нехватку сахара, мяса, крупы, за отсутствие денег. Мучительною болью отдавались эти укоры в душе Петра Ивановича, лицо его выражало крайнее смущение, тоску, и, однако, он силился добродушно улыбнуться, ответить, и лишь иногда с легким вздохом произносил:

— Ах, вы, пила этакая, да вы можете человека совсем со свету сжить. Вот потерпите, найдем золото, будут деньги,

и все будет. На все надо терпение, Фаина Прохоровна, сразу ничего не делается. —

— Чего и говорить, дождешься тут с вами. С голоду помрешь.

Сначала меня поразило то добродушие, с которым Петр Иванович позволял жене служащего пробирать себя, но потом я догадался, что Петр Иванович долго уже не платил Адрианову жалования.

Выпив стакан чая, вышел из комнаты на воздух. Была почти полная ночь. На западе еще светился нежный золотисто-розоватый, тихий свет; и на его фоне совершенно отчетливо выступали острые и строгие, точно зубья гигантской пилы, верхушки пихт и елей. Правее заката растянулось по горизонту тяжелое, мутно-синее облако. Широкая гора Алатага уперлась в него своею вершиною и остановила его грузный и плавный полет. А еще дальше, на другой стороне неба, из-за горы осторожно поднимается луна, разбрасывая по горам прозрачную, серебристую ткань из своих лучей. В синевато-темной глубине неба загорались и вспыхивали цветными огнями звезды. Смутная тайга хранила молчание. В ней, как и в небе, царила тишина, и в то же время чудилось, что от нее исходит какое-то неслышное, но могучее звучание, точно тайга тихо дремлет и в дремоте глубоко и мерно дышит, выпуская из себя теплый ароматный пар, мерно, неуловимо колышет свои ветви, иглы, листья.

Около тлеющих остатков костра неподвижно стояла корова монотонно жуя жвачку. Скрывшийся в траве Гнедко то и дело позвякивал колокольцем. Сонные куры вяло поспорили из-за места.

А вот и ночная, зловещая птица начала свое угрюмое у-уканье. — Шубу — шубу! — глухо звучит ее странный и мерно повторяющийся крик среди мертвой тишины, то где-то далеко в глубине леса, то совсем близко на горе, то

снова далеко и неясно. В ответ на зов самца с облитой лунным светом вершины исполинского высокого кедра раздается хрипение самки, точно давящейся чем-то непроглоченным. Но скоро эти звуки замерли. В низинах зашевелился туман.

Так прошли шесть рабочих дней.

* * *

В субботу рабочий Никита и кузнец Николай предложили мне отправиться ночью на близлежащее болотце посторожить диких козлов. Каждую ночь, на рассвете, эти животные начинают громко кричать, подзывая самок и взбудораживая наших собак. Я поспешил согласиться, и мне было наказано собраться к десяти часам вечера.

Никита — старый таежный волк, родившийся, выросший, и доканчивающий дни свои в тайге, вечный скиталец и искатель золота, — то самостоятельный, то в качестве наемного рабочего у кого-нибудь другого. Ему уже минуло 60 лет, но на голове нельзя заметить седых волос, которые густым и ровным покровом закрыли верх его головы. Только цвет их сделался каким-то блеклым, близким к цвету его полинявшего светло-коричневого кафтана. Бритое, бронзовое лицо светится ласковым добродушием, плутоватостью, за живыми, проницательными глазами чувствуется природный ум, а спокойные движения и походка говорят об уверенности в себе и рассудительности. Костюм Никиты был тот же, что и у всех таежных бродяг: шляпа с короткими полями буровато-темноватого цвета, полинялый короткий кафтан, перетянутый красным кушаком, широкие плисовые шировары и сапоги до колен. Во рту всегда дымится трубка, а в пути за плечом непременно висит одноствольное шомпольное ружье с торчащим из дула войлоком. Наконец, у него была баба Авдотья, худощавая и бодрая старушка, и веселый молодой пес Верный, которые сопровождали Никиту во всех его

странствиях. Нрав у Никиты был самый безобидный, за что собственно и держал его у себя Петр Иванович, так как силушки у него оставалось уже немного. Так, например, если Никите с Авдотьей удавалось выпить, то в то время как другие рабочие в таком состоянии начинали опасно буйствовать, Никита оставался тих, смирен, начинал чмыхать носом, вытирать рукавом слезы и горестно-прегорестно мотать старой головой. Друг Никиты Матвей тоже никогда не буянил и, подвыпив, обыкновенно, с многозначительным азартом без конца убеждал Петра Ивановича, что «ну, и... больше ничего. Вот ей-же богу, пропади я на этом самом месте, если... и больше ничего».

На другой день Никита бывал болен, пластом лежал на койке, морщился и ни с кем не разговаривал.

Кузнец Николай тоже старик. У него тоже темное от копоти и солнца лицо, дышащие энергией и умом, но как-то избегающие долго останавливаться на собеседнике глаза, точно Николай опасался, чтобы чужой человек не прочел по глазам его сокровенных тайн. У кузнеца была всклокоченная, полуседая борода, такая же великолепная, волнистая шевелюра, он обладал звучным приятным голосом, был хороший расторопный работник и располагал к себе каждого, хотя и держался особняком и ни к кому не набивался с разговорами. Не смотря на видимую хмурость, во всех его движениях и словах сквозила мягкость и печаль. Может-быть, это была надвигающаяся старость, горечь одиночества и бездомности, тревога за кусок хлеба, когда не станет сил работать, или какое-нибудь неотвязчивое воспоминание из прошлого, но только в нем было нечто, выделявшее его среди остальных таежников.

На другой день после нашей охоты на козлов он ушел от Петра Ивановича, пробыв на стане одну неделю. Нанимаясь Николай долго и настойчиво выспрашивал Петра Ивановича, будет ли работа зимою, так как он человек поло-

жительный и на время оставаться не любит. А через неделю неожиданно заявляет, что ему нужно в Томск, что его туда настойчиво зовет один родственник, предлагая великолепное место, одним словом, что он решил делать «кальеру». Взвалив на плечи небольшой мешочек с имуществом он энергично зашагал по таежной тропке и скрылся из наших глаз. Через два дня мимо нас проезжал верховой, который рассказал, что в пути встретил кузнеца, шедшего работать на один уединенный прииск. Истинный таежник не в силах прожить на одном месте больше недели, и «кальера» для Николая была лишь предлогом, чтобы уйти на новое место не совсем без повода.

Итак, мы решили поохотиться на козлов. Когда совсем стемнело, я поужинал, оделся потеплее, перекинул через плечо пантронташ и ружье и зашел в казарму рабочих. В первой комнате различил на скамейке две фигуры. Это были Никита и Николай. Они были в подпоясанных кушаками азямах и с ружьями у ног: Никита с неизменною одностволкой, Николай с одолженной у почтаря берданкой.

— Готовы? — спросил я.

— Готовы, — отвечали охотники, встали и вышли из казармы.

— Только там не шуметь и не курить, — строго предупредил Никита, — дома закурили — и шабаш.

Вечер был тихий, ясный, но холодный. В небе уже горели звезды, закат мирно бледнел, а в чаще потемневшей тайги филин глухо кричал — шубу! Круглолицый парень Федька принялся-было передразнивать его, но одна из баб остановила парня, сказав, что филин этого не любит и может дразнящего заклевать.

Через несколько минут мы переходили вброд речку, и я почувствовал, как в правый сапог проникла холодная струйка воды.

За рекой началось болото с травою в рост человека, с колодами, пнями, валежником, через который мы с трудом перебирались.

Наконец добрались до мшистого козлиного болотца. С одной стороны оно было закрыто полукруглою горою, а с другой сливалось с долиною Кундата. Кое-где из мохнатого ковра мхов островками подымались группы березок, пихт, елей.

Окинув внимательным взглядом болотце, Никита указал мне место в его центре, за старым, свалившимся кедром с огромным дуплом и разъяснил, что смотреть нужно прямо перед собою, в гору, из-за которой приходят козлы. Влево шагов на двадцать от меня, за группой березок, стал Никита, а Николай скрылся вправо в тесную семейку елей. Мы замерли.

Было поразительно тихо, и самый ничтожный звук улавливался совершенно отчетливо. Вдруг занывшие комары немилосердно кусали голову, но я безропотно переносил эту пытку, напряженно вглядываясь в темную гору.

Скоро перестал чувствовать левую ногу, но все-таки не шевелился. У самых колен по дуплу засновала крохотная мышка. Белка, нивесть откуда появившаяся на корнях кедра, зарезвилась в двух шагах от меня, и вдруг, защелкав и зацарапав лапками, скользнула вверх по стволу, отрывая кусочки сухой коры.

Через несколько времени у меня заныла правая нога, и сильно заболела спина.

Вдруг, среди глубокой тишины, до меня стали долетать какие-то звуки. Вслушавшись в них, я с удивлением догадываюсь, что это дышит кузнец — ни дать, ни взять вздохи кузнечного меха во время работы: хочет чихнуть и не решается. Через минуту доносится какой-то хряст — смотрю — кузнец опустился на землю. Если другие садятся, то почему бы я не мог встать и оживить свои ноги, подумал я, но,

не слыша ничего со стороны Никиты, не решился это сделать. Сижу и терплю.

Минут пятнадцать длится напряженная тишина, и вдруг... да, конечно, это Никита зажигает спичку — совершенно определенный чиркающий звук, значит, он закуривает свою трубку — вот тебе и строгое — шабаш с курением.

А через каких-нибудь десять минут в глазах моих что-то блеснуло: поворачиваю голову влево и вижу... настоящее пламя. Признаться, у меня ноги тоже здорово промерзли, и я был бы не прочь их погреть, но только все это уже слишком. Пламя погасло, но вдруг раскатисто закашлял и зачихал кузнец. Отхаркался и сплюнул Никита. Тогда я поднялся и удобно поместился на корнях кедра. Не прошло и десяти минут в тишине, как захлюпали чьи-то шаги, и Никита перешел на сухое место, ближе ко мне. В общем, теперь мы могли быть уверены, что козел подойдет к нам очень близко.

Не смотря на дрожь и окоченелость ног, залюбовался ночью. Все небо усеялось звездами, мерцавшими из синей глубины и из-за неподвижных пихт.

Приподнялась над горою полная луна и брызнула на нас сквозь чащу деревьев серебристым светом, отбросив на болотце длинные тени и все его осеребрив. Одни деревья стояли черные, другие серебряные.

На ближнем дереве переливчато звонко и тоненько запела птичка. Ей так же ответила другая, и они долго перекликались. Перелетая с дерева на дерево птички встретились, наконец, на одной березке, что-то нежно и тихо прощебетали и улетели.

Ко мне подходит Никита с побуревшим от холода лицом.

— Вот об этой поре и кричат козлы, — нетвердым голосом произносит Никита.

— Да-а? — удивился я.

— Уже светает, — вскользь добавляет он, кивнув головою в сторону.

Очевидно, его опытный охотничий глаз различал свет далекой зари там, где я видел лишь темное небо да лунное сияние.

— Я так полагаю, что теперь-то уж можно домой итти— раз не пришли до этой поры, то и не будут, — заявляет Никита.

Но подошедший кузнец (вероятно, как и я, неопытный охотник) запротестовал:

— Еще совсем не светает. Где же свет, я ничего не вижу. А козлы кричат гораздо позднее, часа через три, и нужно еще обождать.

В ответ Никита что-то недовольно проворчал и, помолчав минуту, решительно заявил:

— А я все-таки пойду домой, — и с этими словами направился к речке.

Сначала было слышно чавканье его сапог в насыщенном водою мху и треск валежника, потом гулкий стук сдвигаемых камней в речке. Яростный лай собак и скрип двери возвестили нам о его приближении и приходе на стан.

Я и кузнец уселись вместе на корнях кедра. Потянуло ко сну, и я частенько начал клевать носом свои колени, а чрезвычайно охладившийся воздух поминутно бросал в дрожь. Не знаю, сколько времени мы так сидели, вероятно, довольно долго, потому что, когда мы начали разговаривать, то уже порывами налетал ветерок, восток заметно посветлел, звезды почти все потухли, а луна, как бы истомленная, бледная и немощная, жалким жестяным кружком висела на белесоватом небе. Голоса птичек становились все разнообразнее, громче, многочисленнее, со стана донесся крик петуха, и тогда мы поднялись и по тому же болотцу направились домой. На песке у речки нам попался свежий след козы. Повидимому, она подходила к краю болотца, но, почувство-

вав и заслышав те запахи и звуки, которыми столь богато было болотце этою ночью, поспешила вернуться обратно.

Когда мы пришли на стан, то было уже полное утро. Восток горел, волны горной тайги зеленели хвоей, сверкали красными, желтыми и синими цветами, блестели росой, гремели голосами птиц, а по долине Кундата и по болотцам косматыми белыми чудовищами расползался туман.

Встреченные дружным лаем собак поспешили мы в хижины, завернулись потеплее и крепко заснули.

Проснувшись, не торопились вставать.

* * *

Наслаждались сознанием, что можно лежать до сыта, что не придет Трофим Гаврилович и не будет кричать — «встава-ай!»

Отходили мышцы и спина, рассасывался яд усталости, организм восстанавливал нарушенное в нем равновесие.

Искупались артелью в быстрых струях Кундата, попили не спеша чайку с ржаным хлебом и расселись в чистых рубахах да сарафанах по ступенькам крылец. Ласкали глаз на сочной зелени яркие, как огни, красные кумачи и синие ситцы.

Я занялся чинкой куртки и сапог. Около меня лежала корова «Маруся», жевала жвачку и временем тяжко вздыхала, обдавая меня теплым дыханием. Кругом нее и по ней бродили куры и склевывали с нее комаров и мух, что доставляло Марусе, видимо, большое удовольствие, так как она явно воздерживалась от резких движений, чтобы не спугнуть кур.

Против меня, на крыльце дома рабочих, сидел Никита с другом Матвеем.

Рядом с ними на ступеньках устроилась «баба» Никиты Авдотья, поглаживая лежащего у ее ног пса Верного.

Помолчав, приятели запели старинную сибирскую песню про Ермака.

У Никиты, несмотря на его шестьдесят лет, звучный и сильный тенор, у Матвея — баритон. У обоих отличный слух и хорошая выдержка в пении.

Песня лилась свободно и красиво. Никита вел основной мотив, Матвей дополнял его гармоническим и оригинальным музыкальным рисунком. Из души выливавшееся, искусное пение захватывало, приводило в движение дремлющие в человеке силы, раскрывало красоту жизни. Из помещений вышли все немногочисленные обитатели становища и с напряженным вниманием впивали в себя чародейку-песню.

Песня рождала творческие порывы, стремление к необычному — и таежник шел по пути наименьшего сопротивления. Скоро из помещения рабочих послышались громкие разговоры, затем брань и, наконец, грохот потасовки.

Причина ее всегда одна и та же — баб в тайге мало. Кроме Авдотьи и Фаины Прохоровны, на стане есть еще лишь одна баба Иринка. Посмотреть на нее сбоку — что-то лошадиное и стихийное вспоминается. Но натура у Иринки непостоянная. Недавно была в большой дружбе с татарином. Через неделю повздорила с ним и сдружилась с Гаврилой. Вчера же она при всех изругала Гаврилу и одобрительно отозвалась о Максе. В результате сегодня, после музыкального и спиртового вдохновения, разыгралась потасовка. Макся первый выкатился из помещения, так как против него были и Гаврила и татарин, затем выброшенным оказался Гаврила, татарин же с Ириной остались допивать спирт. К этой паре присоединились певцы с Авдотьей, и скоро весь стан, кроме хозяина, семьи служащего и меня, был пьян. Уже горланились песни, Никита хныкал, Матвей же уверял Петра Ивановича, что «вот пропади он на этом самом месте, если... ну, больше ничего!» Татарин пошатываясь вышел на крыльцо и начал угрожающе посматривать в сторону помещения Петра Ивановича. Заметив это настроение, Никита с Матвеем пробовали втолкнуть тата-

рина обратно в помещение, но татарин был силен и легко стряхивал с себя двух приятелей.

Дело было решено надвинувшейся грозой. Тайга вдруг зашумела и загудела, заскрипели пихты и кедры, стемнело, и дождь ливнем обрушился на стан. Все разбежались по домам.

* * *

— Вста-ва-ай! — врывается в сон голос Трофима Гавриловича.

Трещат таежные головы, не оторвешься от жесткого изголовья.

— Ох, выпить бы! — проносится вздохом по рабочему помещению.

— Выпьешь! И слезинки не оставили, черти, — бормочет Матвей.

Кряхтя, отплевываясь и бранясь, поднимаются рабочие со спальных настилов, нехотя пьют чай, одеваются, и скоро мы гуськом в сумрачном молчании идем по тропе к месту работы. Ветер шевелит мокрые ветки, и с них сыплется на нас град капель.

День выдался трудный. Пласт песков пошел удобный для выемки, и тачки нескончаемой чередой визжали и обрушивались на нашу колоду. Ни в какой бане не бывает такого потения, и от редкой палки так болит поясница. К вечеру походили на размякшие мочалки.

Надеялись — золота много снимем. Трофим Гаврилович, с раскрытым от усталости ртом, смыл тихой струей последние пески, глянул на дно колоды, потом на дно бутары, покосился на плинтусы.

— Скверно дело... — упавшим голосом промямлил он.

Кое-как наскреблась кучка зерен (издали совсем, как рожь) золотника в два.

Возвращались на стан еще более хмурые, чем были утром.

Петр Иванович сидел над планами и картами.

— Ну, как дела? — встретил он нас добродушной улыбкой.

Адрианов молча протянул ему крохотный кулек из газетной бумаги.

Улыбка сбежала с лица Петра Ивановича.

— Только всего?

— Да.

Прикинули на весах — один золотник и 80 долей. Намытого не хватало покрыть расходы дня.

Петр Иванович задержал вздох и лег на койку, заложив руки за голову.

Ужиналось плохо, сон был не весел.

На другой день работали с напряжением отчаяния — ведь нам грозил голод и уход с работы без расчета.

В результате золотника полтора. На следующий день золота намылось еще меньше и, наконец, оно почти совсем прекратилось. Было ясно — золотоносный пласт выработался. Вечером Петр Иванович и Адрианов долго совещались, как быть дальше, но ни к чему не пришли.

—Ну, ладно, все равно ничего не придумаете, утро вечера мудренее, — заявила им смягченная жалостью Фаина Прохоровна.

На том и разошлись. Петр Иванович проворочался всю ночь с боку на бок, утром же, чуть свет, разбудил Трофима Гавриловича.

— Попробуем поищем по Александровскому ключику?

— А, пожалуй... попробуем.

И сейчас же послышалось:

— Вставай-ай! В разведку на Александровский!

РАЗВЕДКА.

От стана до Александровского ключика версты три. В сухую погоду ручеек почти пересыхает, но последние дожди напитали его, и ключик шумел резвою струею по те-

нистому руслу. К концу своего пути он выбегал на широкий и открытый склон долины Кундата, поросший высокою травою и редкими деревьями. Повыше начиналась густая тайга.

Я и Петр Иванович вышли раньше. Последний как-то брал уже пробы из этого места и нашел их не безнадежными. Теперь решил пробу повторить, главным образом чтобы выяснить, конечно, приблизительно, как высоко по склону начинается золотоносный пласт. Захватив кайлу, лопату, топор и ковш мы отправились.

Утро было ясное, и обильная роса промочила нас насквозь до самого пояса.

Выйдя на ключик, пошли вверх по его руслу. Отойдя с четверть версты от Кундата, Петр Иванович остановился. Черпнули ковшом песку со дна, выбрали руками камни и камешки и оставшийся песок тщательно взмутили, промыли и мутную воду слили. Затем опять черпнули воды, взмутили и промыли остаток и снова слили. После нескольких промывок на дне ковша остался черный железистый осадок, «шлих». Мы нагнулись к этому остатку, и среди черных крупинок нам приветливо блеснуло несколько маленьких золотинок.

Я посмотрел вопросительно на Петра Ивановича. Но он ничего не ответил и пошел дальше.

Минут через десять взяли вторую пробу. Золотинок было несколько больше.

Проба за пробой давали удовлетворительные результаты.

Петр Иванович повеселел, напряжение сошло с лица.

— Вот наша работа, — улыбнулся он мне: — то в жар, то в холод.

Войдя в тайгу, должны были преодолевать большие препятствия. Ручей был завален окончившими свою жизнь елями, русло сплелось с корнями. Рубили корни и из-под них брали пробы. Золото начало уменьшаться и, наконец, совсем прекратилось.

Реки и ручьи наиболее надежные руководители золотоискателя. Их текучая вода глубоко врезается в пласты горных пород, прорезает золотосодержащие пески и катит их с собою вниз. По этим уносимым пескам и догадывается человек, что где-то рядом, или выше по реке, залегают драгоценные пески.

Но и самые пласты золотоносных песков есть результат размывающего действия воды. Коренное золото — жильное. Коренное золото чаще всего вкраплено в кварц — то в виде прослоек-жил разной мощности, то в виде крупинок разной величины (от невидимых глазом до самородков в несколько пудов весом).

Проходя по кварцевым месторождениям золота, вода подмывает их, порода обрушивается в реку, дробится, истирается и дает кварцевый песок с золотыми крупинками. Течением воды этот материал уносится и отлагается где-нибудь ниже в виде пласта золотоносных песков. Со временем на песках может развиться богатая растительность, нарасти лес, они закроются толстым слоем перегнойного материала — тем, что называется в золотом деле «торфом», или «турфом».

Уборка этих турфов с песков трудное и дорогое дело.

Исчезновение золотинок давало основание думать, что дальше вверх по горе искать нечего. Надо было найти тот источник золота, который питал золотинками русло ключика.

Рабочие и Трофим Гаврилович уже ждали указаний, расположившись по склону у края леса.

Чтобы найти пески, или, может-быть, даже кварцевую жилу с золотом, надо было исследовать склон горы у ключика. Очень часто искомый пласт бывает не широк и близок к поверхности. Для обнаружения его роются длинные рвы в надежде, что таким образом удастся встретиться с золотом и тогда уже можно будет исследовать пласт

детально. Петр Иванович задал направление для рвов, и все принялись за работу. Работали все одинаково, и только Петр Иванович занялся специально пробами вскрываемых пластов.

Работа была очень трудна. Земляная работа вообще нелегка, здесь же, в горной таежной местности, она особенно давала себя чувствовать.

На ряду с копанием приходилось рубить и пилить толстые деревья, вырубать целые системы мощных корней, откалывать каменные породы, кайлить плотно слежавшиеся пласты. Тяжесть работы увеличивалась натиском мириадов слепней. Эти отвратительные насекомые облепляли человека сплошной черной массой, пребольно кусали, проникали в рот, уши, лезли в глаза, забирались под одежду, белье, в сапоги, жужжали и ползали по телу. Отмахиваясь, давишь их тысячами, и новые тысячи этого, как его зовут здесь, «гнуса» наседают и лезут на работающего.

Когда силы иссякали, и кайла готова бывала сама выпасть из рук, раздавались волшебные слова Трофима Гавриловича:

— Закури, ребята!

Только побыв в такой напряженной работе, можно по настоящему почувствовать радость отдыха. Выходишь из рва на поверхность, опускаешься на мягкую траву, закрываешь лицо платком от слепней, и весь отдаешься сладостному ощущению бездействия. Все уплывает, исчезает. Так лежишь минут десять.

И вдруг откуда-то издалека:

— Подымайсь, ребята!

Часов в одиннадцать — чай с черным хлебом. Впрочем, это называется черным хлебом где-то в городах, здесь же это самый вкусный, самый желанный пряник. Самый же высокосортный китайский чай не сравнится с этим таежным чаем с листиком со смородинного куста.

К шести часам силы вымотались до последней ниточки. Казалось, что от тела осталась одна лишь основа, связующее же вещество исчезло. Тело было слабо, но чувствовалось легко и бодро. Ведь сколько пота вышло и с ним всякого отработанного и ненужного организму вещества! А сколько смолистого воздуха было вобрано! Съеденный же хлеб был использован, конечно, с наивысшей производительностью.

— Как дела? — спрашиваю по дороге Трофима Гавриловича.

— Нельзя еще ничего сказать. Посмотрим, что будет завтра.

На другой день продолжалась та же работа. На третий день то же. Пласт не нащупывался. Петр Иванович начинал нервничать. Щипал бородку, украдкою подавлял вздох. Рабочие про себя невесело и недобро посмеивались.

— Кабы не то, что хороший он человек, давно ушел бы от него, — выразил общее настроение Никита.

Вечером снова было совещание. Решили еще завтра поискать. Петр Иванович полагал, что пласт мог остаться между рвами, которые были проведены один параллельно другому на довольно значительном расстоянии. Чтобы не дать пласту ускользнуть, Петр Иванович распорядился бить между рвами шурфы и дудки.

Шурф — более или менее глубокая яма. Дудка — цилиндрическое, узкое, только бы можно было кое-как работать человеку, углубление. Преимущество дудки — быстрота, с которою опытный рабочий может опускаться вниз.

Шурф и дудка относятся к так называемым шахтообразным выработкам, т.-е. имеющим направление книзу. Шахта является дальнейшим развитием шурфа и дудки.

Напротив, проводившиеся нами рвы относятся к штольнообразным выработкам. Дальнейшим развитием рва является штольна, т.-е. горизонтальный подземный ход по пустой

Вход в шахту.

(не содержащей руды) породе и штрек, т.-е. ход по содержащей руду породе.

Весь день с большим упорством били шурфы и дудки. Проба за пробой ничего не давала.

К вечеру всем стало ясно: разведка не удалась.

Измученные и хмурые возвращались на стан.

Едва поужинали — приходит татарин.

— Мне расчет.

Адрианов подсчитал забор из «склада» — муки, сахара, ситца и выдал деньги.

За татарином пришли Макся с Гришей.

— Нам расчет.

Затем взяли расчет и все остальные рабочие, кроме Никиты и Матвея.

— Я от Петра Ивановича никуда не пойду, — заявил он Трофиму Гавриловичу.

Утром расчитавшиеся были готовы в путь. Сапоги от густой смазки дегтем сверкали, как лакированные, широко растопыривались плисовые шаровары, и кумач горел как огонь. В котомках было снятое тряпье.

За татарином шла Иринка. Скрылись за поворотом тропки, и на стане стало тихо и печально.

* * *

Мне было поручено привести в порядок «склад», т.-е. чулан, в котором были свалены в кучу нужные и ненужные вещи. Здесь хранились жалкие остатки муки, чая и сахара, кожа, железный товар и другая мелочь. Я классифицировал эту свалку, выгребая вон ненужное и мусор, и составлял опись.

Дверь чулана выходит в сени. В сени же была открыта дверь из помещения Петра Ивановича — иначе мне было бы темно работать.

Петр Иванович сидел, склонившись над планами и картою местности. Он, казалось, внимательно их рассматривал, но

я заметил, что лежавший перед ним план лежал к нему «вверх ногами». Человек, который во что бы-то ни стало скрывает свое угнетение.

Лай собак известил о приходе кого-то чужого.

Действительно, скоро к Петру Ивановичу в помещение вошел пожилой человек, по виду золотничник, т.-е. работающий на чужом прииске за известную долю намытого золота.

Поздоровался, сел на табурет.

— Что скажешь хорошего, Семен? — обернулся к нему Петр Иванович.

— Закурить можно?

— Конечно.

Семен набил трубку, раскурил ее.

— Золото знаю, Петр Иванович.

Петр Иванович повернулся на табурете.

— Шпана вы все с вашим золотом. Довольно морочили. Никуда не пойду и ничего не буду смотреть.

Встал с сердцем с табурета, прошелся по комнате.

— И, небось, богатое? — язвительно спросил Петр Иванович.

Семен повел бровями.

— Как знать... Всяко бывает... Но только золото верное. Я кого другого, а тебя не стану обманывать.

— Так что ж ты не идешь к Иваницкому, к Родюнову — у них миллионы, есть на что дело начать, а у меня — знаешь — ничего нет.

Семен замотал головой.

— К ним ни за что не пойду. Они что? Рупь бросят. А ты, знаю, не обидишь.

Петр Иванович усмехнулся и зашагал в задумчивости по комнате. Сколько раз он хватался за эту соломинку, шел за таким «знающим место», копался, пробовал, терял время, платил за «открытие секрета» и — ничего не находил. Лишнее волнение, лишняя неудача, лишний седой волос.

— Нет, не пойду, Семен, надоело за вами таскаться.

— Ваше дело, Петр Иванович, ваше дело...

Фаина Прохоровна принесла обед — мясной суп и простоквашу.

Порции были очень скромны. Казна хозяйская была опустошена, провизия кончалась.

После обеда Семен ушел на свою промывку.

Под вечер, когда я уже оканчивал работу и собирался оставить чулан, снаружи неистово залаяли собаки.

Петр Иванович подошел к окну.

— Ну, не было печали... — проворчал он.

Выйдя из помещения, увидели на полянке, недалеко от строений, пятерых всадников, которые остановились и о чем-то спорили. Затем они спешились и начали развьючивать лошадей. У некоторых были за плечами ружья.

Адрианов сходил к подъехавшим, поговорил с ними.

— Летучка, — пояснил он вернувшись.

Летучка — вольная артель золотоискателей, работающая, где придется, никогда не делающая заявок на место в казну и не всегда столковывающаяся с владельцами и арендаторами приисков. Набираются летучки частью из крестьян прилегающих к приисковому району селений, частью из пришлого люда, нередко с сомнительным прошлым. Некоторые летучки, намыв золота, возвращаются обратно в свои хозяйства, но большинство их является постоянными пленниками тайги. Таежная жизнь затягивает, причаровывает свободою, независимостью и возможностью обогащения. Притягивает к себе эта жизнь и красотою окружающей обстановки — гор, зеленой тайги, прозрачных игривых речек, обилием света и ароматом чистого смолистого воздуха. Ведь удача выпадает на долю старателей летучки не часто. В большинстве случаев золота моется немного, только-только прокормиться. Иногда же дело доходит и до голодовок; пьют старатели чай из березовых почек да питаются впроголодь заплесневелыми суха-

риками. И все-таки из тайги не выходят и не идут рабочими на прииски, где всегда можно хорошо заработать. Чернорабочий всегда заработает рубль — полтора.

Зимуют летучки в селениях, иногда в нужде, иногда в довольстве. Но наступает весна, сходит снег, зазеленеет

Хищник, плывущий по реке с намытым золотом к селениям.

тайга, и хищник летучки, как перелетная птица, неудержимо тянется в тайгу — искать золото, каторжно работать, может-быть, голодать, радоваться и отчаяваться.

Но бывают и удачи. Попадают иногда в руки самородки в несколько сот, а то и тысяч рублей, встречаются

богатые россыпи, гнезда. В карманах оказываются шальные деньги. Однако, немногим они идут впрок. Заявляется такой богач в селение, где к его услугам все нехитрые удовольствия таежника — водка, всякая гульба, ватага приятелей-друзей. Высшее удовольствие — показать свое богатство и затем щегольнуть презрением к нему — нам, мол, это пара пустяков!

В результате через неделю — другую от богатства ничего не остается, пропивается только-что приобретенная новая одежда, и хищник опять тянется в тайгу с котомкой за плечами.

Здесь летучки иногда обращаются и к другим промыслам — подстерегают караваны с золотом и грабят их, нападают на одинокие и немноголюдные прииски. Случаются столкновения и между членами летучки, приводящие к убийствам.

Отсюда понятны тревога и недовольство Петра Ивановича этими перелетными гостями.

Остановившаяся летучка, видимо, где-то хорошо поработала. На всех были новые костюмы, у двух же были великолепные, молодые и стройные лошади.

У таежников страсть к лошадям. Иному больше нужна корова, а он покупает верховую лошадь и пользуется всяким случаем, чтобы погарцовать на ней.

Хищники развели костер, заварили ужин и в ожидании его раскуривали трубки и цыгарки. Стреноженные лошади паслись около.

После ужина все завалились спать среди своих переметных сум.

Мы тоже легли спать, положив около себя оружие.

Рано утром летучка собралась и отправилась дальше.

— Они вам не говорили, куда направляются? — спросил Петр Иванович Адрианова.

— Я их спрашивал, ответили — на богомолье.

— А не могут они обосноваться на нашем прииске? Я думаю пойти посмотреть.

— Вам одному нельзя идти, я с вами пойду.

— Нет, Трофим Гаврилович, вам другая задача. Муки ведь нет. Седлайте гнедка и поезжайте за мукой на прииск Гаврилова, я думаю, он отпустит взаймы. А турить летучку я пойду с Сергеем Ивановичем.

Через полчаса Трофим Гаврилович выехал верхом со стана добывать муки, я же с Петром Ивановичем пешком по узенькой таежной тропке пробирались к дальнему концу прииска, предусмотрительно держа в карманах наготове браунинги.

Однако, опасения оказались напрасными, на ключике никого не было. Ручеек мирно журчал, протекая по зеленой лужайке. Тайга чуть-чуть покачивалась вершинами, иногда поскрипывая и мелодически шумя.

Присели отдохнуть.

— Тревожная ваша жизнь, Петр Иванович, не хочется вам перейти на какую-нибудь спокойную работу?

В ответ послышался глубокий вздох.

— Не так просто уйти из тайги. Иногда мне остро хочется всадить пулю в свою голову, но когда вспомню, что Адрианову жалование не уплачено за два года, что несколько раз рабочие уходили от меня без расчета — рука не подымается к голове. А теперь вот связался с человеком: деньги получил, чтобы найти золото и поделиться им. Опять надо ехать к нему... доказывать, убеждать... брр... скучная история.

— А если золото не дастся в руки? — задал я жестокий вопрос.

— Найдем! — протестующе воскликнул Петр Иванович, — не можем не найти! Ведь есть же здесь в камне золото! Откуда-то берутся же все эти пески! Не даром же, в самом деле, я ночую здесь шесть лет, изучил чуть не каждый камешек! И я, в сущности, уже нащупал золото, оно где-то близко, до него рукой подать и, я думаю — немного терпения, усилий, и мы заработаем во всю.

Петр Иванович оживился и последние слова сказал с улыбкой на лице.

— А потом, — обернулся он опять ко мне, — мы, золотоискатели, в некотором смысле конченый народ. Когда мне приходится по делам бывать в Томске — я там не нахожу себе места. Скучно и противно. Тянет сюда, в тайгу. Большая в ней власть. Знаете, года два назад в вагоне поезда, шедшего в Россию, я разговорился с соседом по месту, глубоким, но очень бодрым стариком. Ему было лет семьдесят. Оказалось, что старик, недавно богатый золотопромышленник, разорился до тла на одной рискованной и дорогой разведке. И вот он говорил, что если ему удастся занять денег, он тотчас вернется в горы и будет искать золото.

Солнце было близко к закату, и мы отправились обратно.

Пришли на стан уже в темноте. Прогулка развлекла Петра Ивановича. За ужином он даже съел немного простакваши и ломтик хлеба, тогда как обыкновенно, из-за катарра желудка, он ограничивается при еде ничтожной порцией.

Едва легли спать, собаки залились лаем. Затем стихли, и послышался галоп лошади. Стих и галоп, но в помещение никто не стучался.

Озадаченные встаем с коек и выходим на крыльцо.

На ступеньках сидит Адрианов, опустив в бессилии голову на колени. Никита и Матвей расседлывают гнедка, который как-то странно ржет, точно его пробирает дрожь.

— В чем дело, Трофим Гаврилович?

Адрианов поднял голову, руки его дрожат.

— Медведь гнался... ободрал гнедку зад.

Подходим к лошади — действительно, зад ободран, сочится кровь, животное дрожит и слегка ржет от боли и волнения.

Никита стреножил лошадь, смазал раны дегтем, чтобы не лез гнус.

Собираемся около Адрианова. Оказывается, на тропке повстречался медведь, видимо, травленый, т.-е. пробовавший свежинки. Только эти медведи нападают на человека. Гнедко рванулся и помчался по тропке. Медведь в догонку. У спуска к роднику он совсем было уже настигал, но здесь тропка делает крутой поворот. Гнедко-то его хорошо знает, сколько раз по нему ходил, и поэтому легко повернул и помчался дальше, медведь же с разгону вломался в чащу, и, пока он из нее выбирался, Адрианов успел ускакать вперед на значительное расстояние.

— Наконец, второй раз зверь настиг гнедка недалеко от стана, на перевале. Лошадь неслась, как шальная, но медведь ухитрился ухватить ее лапой за зад. Гнедко закричал, как человек, но опять счастье — крутой поворот, и зверь отлетел в сторону и покатился по откосу вниз.

— Он, значит, недалеко. Пожалуй на стан ночью придет, — сказал Петр Иванович, — надо пальнуть раза два.

Грянули один за другим три выстрела, широко раскатившись эхом по горам и тайге. Недоумевающе отозвались собаки.

— Ну, а как насчет муки? — голос Петра Ивановича чуть дрогнул.

— Скверно, не дал. Говорит нет, да только врет.

— Ну, и жила! — возмутился Петр Иванович, — сколько раз его мы из беды выручали, а как к нему обратишься — нет! Ну, да ладно, я ему это припомню.

Адрианов мялся, не решаясь что-то сказать.

— Что у вас, Трофим Гаврилович?

— Видите ли, Петр Иванович, — морщился Адрианов, — на Центральном по требованию горного надзора выкинули из амбара целую кучу муки. Говорят, если ее хорошенько просушить, комья разбить да проветрить на солнце, то можно печь хлеб. Не взять ли нам ее?

Рука Петра Ивановича треплет бородку, ерошит волосы.

— Попробуем.

СМЫВ.

Разведка на золото дорога и не всегда оправдывает себя. Поэтому искатели золота чутко присматриваются и прислушиваются ко всему, что может привести к нахождению золота помимо научно поставленных поисков. И статистика золотоискательского дела говорит, что большинство хороших месторождений золота было найдено случайно. Так, например, маленькая артель хищников брала для печи в зимовке глину и натолкнулась на богатую жилу. В результате на этом месте вырос большой прииск (Беррикуль) с тремя тысячами рабочих.

Один до тла прогоревший золотоискатель пробирался верхом к большому прииску, чтобы искать работы, так как семье его нечего стало есть. На перевале лошадь захромала. Сошел с коня, осмотрел ноги и нашел на одной ноге между подковою и копытом камешек. Присмотрелся к нему — блеснуло видимое простым глазом золото. Пошарил кругом и набрал еще таких же камней с золотом. В конечном счете сделал в казну заявку на место и сделался богатым человеком.

После открытия месторождения, конечно, необходима детальная разведка, так как золото не редко залегает в породе гнездом, имеющим ограниченное распространение. Без разведки дорого стоящее предприятие может оказаться на почти пустом месте.

В деле открытия новых месторождений большое значение имеют летучки хищников, вообще, вольные золотоискатели. Они бродят по тайге во всех направлениях, исследуют долины речек, берут в разных местах пробы и, нащупав подходящее золото, начинают работать.

Шила в мешке не утаишь, и весть об удачной промывке разносится по приискам и по летучкам. Кто-либо из золотопромышленников делает заявку на место, ставит разведку

и, может-быть, начинает дело. Летучка же летит дальше в поисках новой удачи.

Подобный слух дошел до Петра Ивановича. Кто-то сказал, что Филимон с Николки моет — не жалуется. Филимон — зимовщик с зимовья у Никольской церкви, прижавшейся к тропе на большой прииск. На зимовье останавливается много приискового люда. Филимон человек нужный, и поэтому ему позволяют мыть пески где угодно, не гонят. Недавно он обосновался на Отрадном, взятом Петром Ивановичем под разведку.

Петр Иванович призадумался. Очень не хотелось дальше запутываться в сети кабальной зависимости. Да притом же, судя по строению местности, на Отрадном должно бы быть золото. Здесь когда-то мылось золото, но мылось небрежно, хищнически, и от этой работы, конечно, остались неиспользованные участки.

После некоторых колебаний Петр Иванович отправился к Филимону и заявил ему, что будет сам работать на Отрадном. Филимону было предложено работать вместе за определенную часть намываемого золота, но на своих харчах.

Адрианов привез забракованную муку и затем каким-то чудом нашел трех рабочих, рискнувших идти к безденежному хозяину. Сюда же направлялись Никита с Матвеем. У Филимона в свою очередь был компанион. Таким образом, со мною и Адриановым набралось девять человек.

Накануне напекли хлеба из прогорклой муки, приготовили принадлежности работы. Рано утром отправились на Отрадный, ведя на поводу гнедка с вьюками. Зад его успел затянуться. Шли по течению Кундата. Тропка вилась по правому склону долины. В обе стороны, вперед и назад уходили поросшие тайгой горы, уходя вдаль зелено-синими силуэтами. Потом начался лес, временами скрывавший от нас перспективу гор.

Около полудня тропка стала терять определенность. В одном месте от нее пошла плохо протоптанная тропинка вниз, к речке. Мы свернули на нее, перешли вброд Кундат, пересекли лужайку и поднялись густым лесом по левому склону долины. Остановились в тайге у шумно бежавшего по камням потока с ледяной водой. Это и был Отрадный. Кругом — смолистая зеленая стихия тайги, приубравшая камни и скалы широких гор, пенисто-голубые потоки, и под ногами пески и кварцы с золотыми крупинками.

Взятые пробы показали малое содержание золота. Однако, это не смутило хозяина работ. Он допускал этот случай и раньше и, если все же пошел на Отрадный, то лишь вследствие возможности применения здесь особого приема добычи золота, так называемого «смыва».

Сущность смыва в следующем. Если пески бедноваты золотом, но песков достаточное количество, и если близко протекает речка со значительным падением (следовательно, с большой силой размыва) и хорошим запасом воды, то эту речку по искусственному руслу приводят к пескам и пускают течь по ним. С помощью рабочих вода уносит все лишнее. Золото, как материал более тяжелый, в значительной части остается на месте смыва, и в результате получаются пески обогащенные. Эти пески промываются уже обыкновенным способом на бутаре. Смыв, таким образом, невыгоден при малом пласте и невозможен без потока соответствующей силы.

Такой смыв Петр Иванович решил наладить на Отрадном. Поток был слаб, и в помощь ему надо было провести воду из Кундата. Наши пески были расположены довольно высоко над его руслом, Чтобы вода из Кундата пошла по нашему пласту, отводную канаву приходилось вести от какого-то места выше по долине реки, лежащего значительно выше уровня наших песков, иначе вода может не пойти, или пойти слишком тихо и слабо. Чтобы найти это начало

канавы Петр Иванович со мной занялся нивеллировкой с помощью рейки и уровня. Мы двигались по склону меж деревьев вверх по долине, следя за горизонтальностью рейки, понемногу подымаясь над исходным пунктом и обозначая свой путь затесками на деревьях. Наконец, пришли к Кундату.

После этого я присоединился к рабочим, ведшим канаву. Петр Иванович же занялся обследованием местности и пробами.

Работа была трудна. Валились деревья, проходилась толща корней, извлекались крупные валуны. Иногда они были настолько велики, что их приходилось взрывать. Трофим Гаврилович брал ручной бур, молоток и садился на такого великана.

Часами бурилась цилиндрическая скважина, так называемый «шпур», при чем работа задерживалась необходимостью точить буры. Получавшаяся буровая мука вычерпывалась ложечкой-чищалкой.

Но вот шпур готов. В него закладывается динамитный патрон с затравкой, т.-е. с резиновой трубкой, начиненной порохом. Патрон сверху закрывается песком или глиной, своего рода пыжом.

— Берегись, ребята, под деревья! — кричит Трофим Гаврилович роющим канаву.

Все отбегают подальше и становятся под густые ветви елей и пихт.

Трофим Гаврилович зажигает затравку, и сам отбегает подальше.

Раздается взрыв, и камни с шумом падают вниз, ссекая ветви деревьев. Подходим к валуну. На его месте лежат остроребрые куски разной величины. Их тут же вывали-ваем из канавы.

Снова валятся деревья, наполняя тайгу порывистыми и скрипучими вздохами, сечет топор корневые щупальца,

гудит лом, чакает кайла, и пот, пот без конца струится по телам таежников.

День начинался со светом, со светом и кончался. К этому времени кончались и силы. Сколько ни плати — рука не возьмет больше лопату.

— Шабаш, ребята! — обессилевшим голосом бросает Адрианов, сам еле волочащий ноги.

Собираем «инструмент», спускаемся вниз, к началу работ.

Теперь другая забота: спим под пихтами, ночи же стали холодны, утром проснешься — все обсыпано инеем, словно серебром. Таскаем на ночь дрова, разводим огонь.

Вся артель собирается кругом.

Сушат пропотевшие и промокшие портянки, рубахи. Раскуриваются трубки и цыгарки.

На рогульках подвешивается железное ведро для чая. Через некоторое время в закипевшую воду бросаются горсточка кирпичного чаю и для аромата листик смородины. К чаю — ломоть горьковатого хлеба. Сахара не было. Этот ужин плохо восстанавливал силы, и после него хотелось есть.

Между тем темнеет. Огонь озаряет лица золотоискателей, нижние части стволов двух — трех пихт, несколько темных веток над нашими головами, дальше же — полная тьма.

Филимон, как всегда, молчалив.

Это крепкий смуглый мужик с черною курчавой бородой и такими же густыми волосами. Он держится себе на уме, ни на кого не смотрит. Зато рабочий Иванов неизменно бодр и оживлен. Ему лет 28 или 30. Его лицо смугло, выбрито, он сухощав, подвижен и энергичен. В тайге Иванов недавно. До этого он работал в Нижегородской губернии, на Сормовском заводе. Соскучился по лесам и голубому небу и ушел на уральские прииски.

Потом захотелось в Сибирь, и он очутился в тайге Кузнецкаго Ала-тау. Он не любит заводов и предпочитает свободу и непосредственную близость к природе мелких золотоискательских партий.

Закусив хлебом с чаем он достает из кармана замусленную книжку и начинает ее читать вслух.

Оказывается — похождения Шерлока Холмса.

Все, кроме Филимона (ему чуждо все, что не касается его непосредственно), с напряженным вниманием слушают чудесный рассказ. Забываются усталость, сон.

Я не выдерживаю, укладываюсь спать. Изголовьем служат корни огромной пихты. Засыпая, все слышу свежий голос Иванова.

* * *

— Вам сегодня идти на Полуденный за хлебом, — говорит рано утром мне Адрианов, — на гнедке Петр Иванович едет на Центральный добывать муки, и вам придется нести ковриги на спине.

Я доволен поручением — проводка рва прискучила. Беру брезентовый мешок с лямками и отправляюсь на стан. Идя по живописной тропке наслаждаюсь тишиной и отдыхом. Вспугиваю клохчущую тетерку с выводком. Переходя ручей, набредаю на черную бархатистую змейку, живо скрывшуюся в траве. Высоко над зелеными горами спокойно и плавно кружит большой ястреб.

На стане лишь две женщины да четверо детей Адрианова. Женщины жалуются, что им страшно одним жить, и они радуются, что я пришел.

У Фаины Прохоровны болен корью маленький Валя. К вечеру он скончался, чем мать была мало огорчена. Больше ее огорчала корова Маруся. У ней была какая-то симпатия на Николке, в пяти верстах от Полуденного, и Маруся ежедневно туда путешествовала, рискуя быть

съеденной медведем. Поздно вечером она, обыкновенно, возвращалась на стан, издали оповещая о своем приближении протяжным, трубой звучащим мычанием. Иногда же Маруся задерживалась на Николке слишком долго, и тогда Фаине Прохоровне приходилось идти за ней, изощряясь при этом в самых нелестных эпитетах по адресу увлекающейся коровы.

Хлеб выпекался, и надо было ждать до утра. Фаина Прохоровна боялась спать в комнате, где лежал трупик Вали, и под предлогом печения хлеба ушла на ночь с детьми в помещение рабочих к Авдотье. Я лег спать в своем помещении. За перегородкой лежали останки мальчика.

Ночью я был разбужен воем. Под окном протяжно и жутко выла собака. Очевидно, почуяла особенный запах умершего человечка и пришла в смятение от ощущения смерти.

Утром набил большой мешок еще теплым хлебом, устроил его поудобней на спине и зашагал обратно. Сначала $2^1/_2$ пуда показались тяжеловаты, но потом разошелся и даже перестал отдыхать. Шел и шел ровным скорым шагом.

Только вдруг заметил, что иду очень густым лесом, и тропка стала едва различимой. Здесь я никогда не бывал. Значит, в азарте ходьбы прошел мимо сворotка на Отрадный.

Раньше чем повернуть обратно, присел передохнуть и съесть окрайчик хлеба.

Но рука с окрайчиком застыла на пути ко рту: где-то совсем близко раздался внушительный рев.

— Что, если травленый? — мелькнула мысль, и от нее пробежали по спине холодные мурашки.

Оружия с собою не взял. Да если б и взял, не такой я стрелок, чтоб рисковать только ранить медведя и разъярить его.

Знал, что от преследующего медведя человеку не уйти, но все же вскочил и, насколько позволяла нагрузка, бросился обратно по тропинке.

Сзади повторился рев и как будто ближе. Я ускорил бег. Затем рев послышался влево от меня.

Уж не обходит ли меня зверь?

Только зачем ему это, он и так может меня взять. Или, может-быть, он не решается нападать и в нерешительности кружит около меня?

Наконец, выбрался из темного леса в открытую долину Кундата. Но где наше становище, где Отрадный? Где-то справа, за рекой, но там много ущелий и лощин.

Зверь рявкнул где-то совсем близко.

Вдруг за рекой, из темно-зеленого бархата склона горы завился кверху синий приветливый дымок. Наши, видимо, догадались, что я могу заблудиться, и подали сигнал. Я бросил искать свороток и ринулся напрямик к далекому дымку. Сложил рупором руки и крикнул в ту же сторону. Эхо стоном облетело все ущелья и замерло где-то вдалеке. В ответ грянул выстрел, другой.

За выстрелом проревел зверь, уже впереди меня, в стороне Отрадного.

Все равно, в сторону некуда идти, ломлюсь прямо вперед. Что за чаща! Переваливаюсь с хлебом через полусгнившие великаны, с усилием отчаяния разрываю сплетения ветвей, рвущих одежду и царапающих лицо и руки, соскальзываю по крутым откосам и добираюсь до реки.

Зверь ревет снова в стороне.

Он прямо кружит около меня!

Перебрался вброд на другую сторону и, чавкая наполнившимися водою сапогами, поспешил знакомою уже лощиной к становищу.

— Здорово, ребята! Ну, и упарился же я. Слыхали, медведь за мной шел и ревел?

— Медведь? — переспросил Никита, — не слыхали медведя. Козлиха — та ревела.

— Козлиха? — в свою очередь переспросил я, — какая же козлиха так ревет? — и я попробовал изобразить слышанный мною рев.

— Настоящая козлиха и есть, — одобрил мою передачу Никита, — медведь ревет в роде, как корова иная мычит.

— Чего ж она ревела? — сконфузился я.

— А вон, оглянись, — пробурчал мне Филимон.

Оборачиваюсь назад — на тоненьких, нетвердых ножках подхбдит ко мне маленький, рыженький козленок. Он тыкается грациозной мордочкой в ноги, ищет материнского молока. Увидев проходящего мимо пса Верного, устремляется к нему, принимая его за мать, но Верный с недоумением оскаливает зубы и поспешно отодвигается в сторону. Козленок одиноко и печально стоит на месте.

— Мать по козленке и кричала, — поясняет Никита.

Поймал сосунка Иванов. Он хотел его вырастить, пытался кормить молоком, за которым бегал на стан, но козленок ничего не ел, забирался в густую траву и тихо издох дня через два. По ночам же мы долго слышали около становища тоскливо-призывный рев козлихи-матери.

Ночи были тихи и холодны. Чтобы можно было спать при отсутствии теплой одежды, приходилось устраивать себе то, что в Сибири называется «татарскою постелью».

После окончания работ натаскивал дров для особого костра. Когда место хорошо прогревалось, сгребал остатки огня в сторону, устилал горячее место сырою травою, особенно большими лопухами, и на этой мягкой постели накрывался непромоканцем. Спать было тепло, как на печке. Ночью проснешься — вверху черный переплет ветвей, за ними темно синяя глубина и сверкающие цветными огнями звезды. Около слабо вспыхивает костер из груды золотисто-багровых углей. В его колеблющемся свете багровеют очертания

съежившихся золотоискателей, клубком свернувшегося пса Верного.

В тайге тихо-претихо. Даже поток как будто задремал и льется сонный и неторопливый. Слышно, как скатывается камешек с откоса, падает отжившая свой век ветка.

Утром — другая красота. Густая зелень хвои убрана серебром инея, восток меж серых стволов пихт сияет алым огнем, все ликует и поет.

Но, как говорит Никита — у бога все готово. Готова была и непогода. Полил дождь. Сначала сушились и спали под пихтами. Но те из пихт, которые хорошо защищали от дождя, оказались скоро занятыми рабочими, оставлявшими предусмотрительно свои котомки на облюбованных местах.

Тогда я решил построить себе берестяный шалашик.

По словам Адрианова верстах в двух от Отрадного, за соседнею горою, на ключике росли березы, с некоторых можно было снять достаточное количество бересты. Дождавшись свободного часа, взял моток веревки и пошел по указанному направлению. Через некоторое время началась густейшая травяная заросль. Лопухи выше человеческого роста закрыли все кругом. Когда выбрался из них на открытое место, то не мог с уверенностью сказать, откуда вышел, и куда надо идти.

Передо мною вниз уходила огромная лесистая котловина, окруженная со всех сторон массивами гор. Даже Кундата с его долиной не знал где искать, так как небо было в тучах, и стран света различить не было возможности. В довершение всего надвинулась гроза, блеснула молния, гром широко раскатился по горам, и дождь хлынул неудержимым ливнем. Горы потонули в серой мгле, тайга закачалась, заскрипела.

Решил идти вниз вместе с вдруг образовавшимися бурными потоками, воды которых могли вливаться только в Кундат. Когда спустился вниз, ливень унесся дальше,

и по небу низко ползли космы разорванных туч. По каменистой лощине пенился вздувшийся поток. Обогнув косу услышал вдруг за нависшими над потоком кустами какой-то особый шум.

Раздвигаю осторожно мокрые ветви и вижу — седой сгорбленный старичок в изорванной старой одеженке кропотливо над чем-то трудится. Присматриваюсь — стоит старик на коленях, перед ним грубо вытесанное корытце, в руках лопатка. Ею старик изо всех своих слабых сил промывает в корытце пески, то и дело сливая мутную воду.

Подхожу к нему.

— Здравствуй, старик, как моется?

Старик удивленно взглядывает на меня, осматривает с головы до ног.

— С Отрадного?

— С него.

— Моется хорошо, шибко хорошо. Сегодня приду к вам хлеб покупать.

— Много ли в день намываешь?

— В день? Разно бывает. Долю снимаю.

«Долю? — соображаю я про себя, — это ведь каких-нибудь пять копеек».

— Как же ты живешь, старик, на долю? Не хватает ведь?

— Мне хватает, я много не ем. Вот по сахару только скучаю.

Согнутое положение и работа утомили старика. Он положил лопатку на корытце, встал с колен, попробовал выпрямиться и расправить онемевшую поясницу.

— Стар стал, ослабел. Был покрепче — ходил с летучками. Хоть работать по настоящему уже и не мог, все ж давал пользу, показывал места, где мыть. За то кормили. Теперь и этого не могу делать, ноги не ходят. Помирать надо. Сахарку нет с собой?

— Нет. Приходи как-нибудь на Полуденный, угостим, чем сможем. Сейчас сами чай пьем без сахара.

Около ручья на взгорке старик устроил себе берестяной шалашик. Ком какого-то тряпья, топор и обгоревшее ведерко составляли имущество бедного таежника. Вероятно, недалек был день его одинокой смерти в недрах родной тайги.

Березы уже были использованы печальным золотоискателем. Он указал мне выход на Отрадный, и я распрощался со стариком. В сумерках пришел на стан.

Рассказываю Адрианову про встречу и описываю наружность старика. Никита его знает. Года два назад молодые парни составили летучку и взяли его в вожатые. Золота ему не давали и лишь скупо кормили. Вожатый важничал и говорил: «тут попробовать», «там попробовать». Но золото в руки не давалось, и парни бросили старика.

* * *

Канава была вырыта. С утра двое рабочих ушли направить воду из Кундата в нее. Все остальные ждали воды у золотоносного пласта.

— Что-то будет?—думал каждый.

Послышались журчание, шум, и из-за деревьев к нам выбежала мутная и буйная передовая волна, ведя за собою длинную вереницу таких же бурых, крутящихся валов.

— Ну, ребята, давай!—и Адрианов первый принялся за работу.

Поплевав на руки взялись за лопаты и кайлы остальные. Сначала сгребали лопатами песок с берегов в воду, затем вошли в воду и здесь энергично ворочали пески в струях ее. Поток захватывал взрываемые пески, летел с ними вниз и всей этой массою рыл русло. Материал несся бурым облаком в воде, лавиной полз по дну. Медленно, словно нехотя, съезжали вниз большие камни, под-

прыгивая неслась туда же мелочь. Просяще вскидывали свои руки-ветви подмытые деревья и тотчас исчезали в грохочущем потоке.

Его уровень быстро опускался вниз. Вместе с тем он бился вправо, и правый берег скоро стоял над бушующей водой отвесною стеною. В основании ее залегали золотоносные пески, на них лежал мощный слой турфов, и затем все было прикрыто травяным и моховым покровом и тайгой. Серые и черные корни, как змеи, нависали над водою.

Вода несется у самого подножия стены песков. Мы вытягиваемся в линию у этого подножия и, не жалея сил, кайлим его. Мы стоим по колена в ледяной воде. Брызги окатывают одежду, руки и лицо. Ноги засыпаются песком, по ним перекатываются камни. Плывущие мимо обломки деревьев цепляются за нас сучьями. От напряженной работы делается жарко, по телу льется пот, промокшая же одежда держит испарину, а от нее душно и трудно работать. Ноги же в воде коченеют и немеют от холода.

Но вот песчаный утес совсем навис над нами, готовый каждую секунду обрушиться и похоронить нас под собою.

— Берегись, ребята! — кричит Адрианов.

В брызгах и пене откидываемся мы от обрыва и выбегаем на противоположный берег.

Огромный пласт вдруг отделяется от берегового массива, с момент как будто колеблется — падать, или нет, и затем стремительно валится на бок, заваливая все русло потока.

Вода застопоривается у этой неожиданной преграды, бугрится, зло шипит. Но не надолго. Вот она рванулась в первый попавшийся проход, десятками струй растеклась по пласту — опять вниз несется бурая лавина из песка, камней и леса.

К вечеру таким образом была смыта значительная площадь, и на завтра решено было мыть на бутаре эти обогащенные смывом пески.

С утра двое рабочих заперли канаву, т.-е. закрыли в нее доступ воды из Кундата. Оставлена была лишь небольшая струя для бутары. Эту поставили на промытых смывом песках. Пустили в колоду струю, и работа началась. Одни быстро накладывали заступами пески в колоду, другие пробивали их гребками, сваливали заступами галечник в отвал. Налегали во всю силу, знали, что если золото будет, то и деньги будут, и заработок верный обеспечен. Особенно далась тяжелая накладка песков в колоду. Промывка велась лихорадочно быстро, и поэтому нельзя было мешкать — приходилось безостановочно нагибаться, черпать, бросать и снова нагибаться, черпать, бросать.

Во время перерывов на чай воду пускали мимо колоды и самое колоду заваливали песком, чтобы кто-нибудь не соблазнился возможными на дне ее золотинами (самородками).

Когда было пробито, считая тачками, свыше полуторы сотни их, Петр Иванович прекратил работу.

— Снимайте, Трофим Гаврилович.

Адрианов уменьшил струю и осторожно начал смывать последние остатки песков. Среди них зачернел шлих. Все с напряженным вниманием следили за руками работавшего.

Дно колоды почти очищено от песка. Шлих сгребается в одну кучку.

Струя воды еще ослабляется. Последняя, осторожная промывка.

— Нет золота,— брякает сумрачно Никита.

Я не решаюсь посмотреть на Петра Ивановича.

Адрианов криво и жалко улыбается. Дрожащими руками отделяет с помощью магнита щепотку мелких зернышек от шлиха, сгребает ее на железный исачек и исачек ставит на горячие угли. Золото обсыхает. Прикидывает на разновесах — сорок пять долей.

Это были гром и молния с безоблачного неба. Это обозначало тягостные разговоры с рабочими, недоедание, унижения, мучительное искание выхода.

После бурного и дождливого дня тучи расходились. Ширилась ясная, холодная голубизна, начинавшая с краев зеленеть. Из-за потемневших гор упал на бутару последний золотой луч. Надвигались холодный вечер и еще более холодная ночь. Между тем все промокли, и надо было сушиться. Смен не было.

Затрещал яркий костер. Кто сушил промокшие белье и одежду прямо на себе, приближая к горячим извивам пламени то спину, то грудь, то ноги. Иные снимали с себя рубахи, сушили их над огнем и затем, надев, тем же порядком принимались за сушку штанов и портянок. От всего этого кругом костра стояло облако испарений.

Петр Иванович с Адриановым сидели невдалеке на сваленной пихте. Петр Иванович сразу осунулся. Он сидел вытянувшийся, застывший, как будто увидел что-то поразительное и ужасное. Немного спустя на том же месте сидел состарившийся больной человек. Он сгорбился, голова его была опущена на ладони рук.

— Что же будем делать завтра? — спрашиваю Адрианова, укладываясь спать на татарской постели.

— Не знаю. Думаю об этом.

— Утро вечера мудренее, — сказал Иванов.

Его голос был бодр, на лице светилась улыбка. Что ему эта неудача? Он был здесь не ради золота и радовался свободе, синему небу и бурному пульсу жизни.

ГИДРАВЛИКА.

Из каждого трудного положения есть выход. Это знает любой бывалый человек.

Хорошо знал это и Петр Иванович.

Как ни сильно поразила его последняя неудача, все же утром он уже смог взять себя в руки. Из всех неприятных выходов надо было выбрать наименее неприятный. За такой пришлось счесть поездку в Томск к сильным деньгами. Предстояло кого-то убедить, что золото нащупано, что еще немного трат, немного усилий — и можно будет жить припеваючи.

Рабочие, кроме неизменных Никиты и Матвея, были отпущены с обязательствами. Степной, связал на р. Кие плот, и быстрая река понесла его к Мариинску, где он должен был сесть на поезд к Томску.

Мы же, оставшиеся, занялись приготовлениями к зиме. Косили траву для Маруси и клали высокие стога сена. Припасали дрова. Утепляли помещения, конопатя щели, заделывая дыры, устраивая окна.

Женщины собирали и сушили ягоды и грибы.

Дней через десять прибыл на стан верховой почтарь Сироткин и передал письмо Адрианову.

— Страшно вскрывать ... — говорит Адрианов, доставая письмо из конверта.

Читает про себя. Царит полная тишина. Я и Фаина Прохоровна напряженно следим за выражением лица Трофима Гавриловича.

— Ну, что пишет, говори же, — сердится Фаина Прохоровна.

— Слушайте, — и Адрианов читает:

«Дорогой Трофим Гаврилович, дела устроил как будто ничего. Продал Запасный, и на вырученные деньги поставим гидравлические работы на Веселом. Переговорите со Степановым, не сдаст ли нам в аренду помещения — для нас, для рабочих и под имущество. Постарайтесь не слишком дорого.

На днях приеду сам и доставлю необходимое оборудование и припасы. Всего лучшего. П. Степной.»

Настроение сразу у всех поднялось.

На радостях Фаина Прохоровна дала к ужину вдвое больше простокваши, чем обыкновенно, за чаем же оказалось на столе земляничное варенье, сваренное на каком-то, несомненно контрабандном, сахаре.

Утром Анрианов уехал на гнедке к Степанову. Степанов — мелкий золотопромышленник. Он живет на своем маленьком прииске, который уже весь выработался, и занимается пчелами и коровами.

От его прииска до Веселого, где должны были вестись гидравлические работы, насчитывалось версты три. На Веселом никаких построек не было, и поэтому Петр Иванович хотел пока обосноваться у Степанова, чтобы затем, смотря по ходу работ, возвести на Веселом свои постройки.

Вечером Адрианов вернулся с письменным договором в кармане.

С утра занялись увязкой имущества в тюки для переправы на Степановский прииск. Под вечер приехал Степной с ямщиком, за которым шел караван из десятка лошадей с вьюками. Во вьюках были некоторые принадлежности работ (часть их Петр Иванович закупил на одном из приисков), табак, курительная бумага, мука, чай, сахар, свиное соленое сало, соль, крупа, леденцы, дешевые ткани, обувь, кожа и другие нужные в работе вещи.

В два дня все было переправлено на Степановский.

Слух о гидравлике у Петра Ивановича быстро разнесся по тайге, и тотчас по переезде явились наниматься рабочие. Их было взято человек восемь, разных возрастов и национальностей. Были старики, молодые, пожилые. Из них один немец, два украинца, один поляк, один татарин, один цыган и два великоросса.

Половина — бывшие каторжане, отбывшие срок каторги и вышедшие на вольное поселение.

Новое жилье было налажено быстро. Можно было приступать к работам.

Гидравлические работы являются дальнейшим развитием того, что называется смывом. Они применяются в том случае, если значительный золотоносный пласт лежит под мощным слоем без золота, и если золотоносный пласт сравнительно беден золотом, т.-е. выработка его помощью шахт и туннелей была бы невыгодна.

Если при наличии такого пласта имеется и значительный объем воды, уровень которой на много выше уровня места работы, то гидравлические работы могут быть с выгодою поставлены. Вода из имеющегося запаса, например, из реки, приводится по каналу к пласту и из канала направляется в систему железных труб, плотно скрепленных концами одна с другой. Диаметр труб колеблется в пределах от 30 до 50 *см.*

Система труб оканчивается водобоем или «носовкой» со стальным кольцом для выпуска воды с диаметром от 10 до 20 *см.* Так как точка приема воды находится на высоте от 60 до 150 *м* над точкою выпуска, то из кольца вырывается струя воды чрезвычайной силы.

Струя эта направляется на забой, т.-е. на место выработки пласта, и производит огромную работу, снося и смывая все, что лежит на «плотике» (пустая порода под золотоносными песками, называемая в горном деле почвенным слоем). Вода таким образом быстро удаляет все ненужное и обогащает пески. Для уловления золота на пути потока устраиваются шлюзы и плинтусы (порожки).

Для успеха гидравлических работ необходимо точно учесть напор воды и ее количество и обеспечить дальнейший выпуск смытых обломков или «хвостов», иначе работа может остановиться из-за загромождения этим материалом хода.

Наша гидравлика была, конечно, далека от технического совершенства. Не по нашим средствам они были. Напор воды и ее количество не вызывали сомнений, но

шлюзы и отвод эфелей (песков) и хвостов пришлось отложить до лучшего времени.

После нивеллировки с помощью рейки и уровня приступили к рытью канала, по которому вода должна была быть приведена из Кундата к работам. Часть рабочих занялась изготовлением сплоток, на которые вода поступала бы из канала и затем переходила бы в железные трубы.

Канал проходил цельной тайгой, и работа была очень тяжела.

Рабочие старики не выдерживали ее и уходили, или же их Адрианов рассчитывал.

Все необходимое для себя рабочие забирали на нашем складе под заработок. Отпускали им товар я или Адрианов.

Как-то приходит к Адрианову после работ поляк Лужевский, из ссыльных.

Это старый, слабый человек с характерным лицом. Борода его испещрена седыми волосами, на голове волосы тоже полуседы. Из темного лица глаза смотрят безропотно и жалко.

Старик горбится, походка у него слабая, какая-то больная. Одеженка изношена и слишком легка.

Кажется, возьми ее в руку, она и расползется. Когда смотришь на него, делается тяжело и чего-то стыдно.

— Мне сахара фунт, — обратился он к Трифону Гавриловичу.

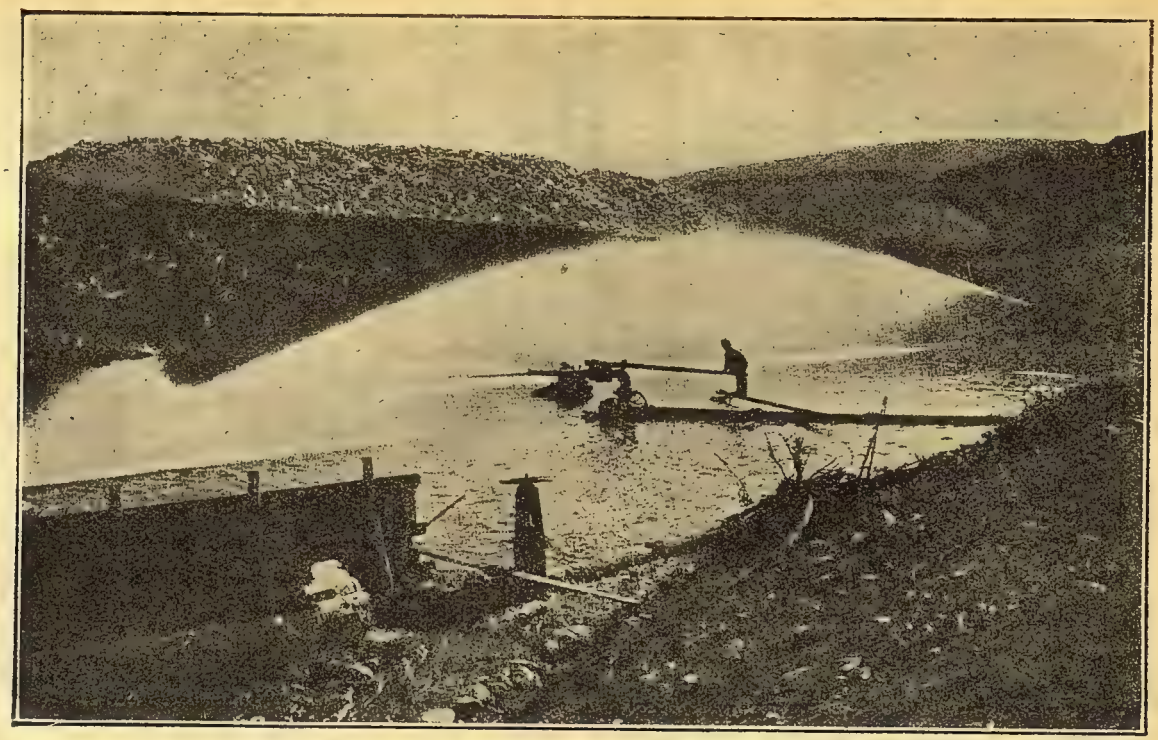
— Нет, дедушка, ты рассчет получишь.

— Рассчет? За что? — упавшим голосом спросил Лужевский. Слышалось польское произношение.

— Нет у нас работы для тебя, дедушка, слабо работаешь.

Лужевский продолжал неподвижно стоять на месте.

— Нет у нас подходящей работы, дедушка. Ведь земляную работу не сможешь делать? Восемнадцать кубических аршин не вынешь?



Размывание горной породы струей воды.

— Нет.

— Ну, вот видишь. Приходи через час и получишь рассчет.

Лужевский сделал движение уходить.

— Завтра утром приходи, — добавил Адрианов.

— Хоросо, — тихо проговорил старик, повернулся и вышел.

Из окна видно было, как шел он своею стариковской походкой в казарму, короткими, но довольно быстрыми шагами, жалкий, покорный и несчастный.

Сидевший на крыльце казармы татарин при виде Лужевского разразился смехом:

— Га-га-га! Ты что же это, из больницы убежал? Га-га-га!

Но другой рабочий, тоже старик, прибалтийский немец Нейман, из каторжан, рассердился:

— Ты что, харя татарская, рогочешь? Человека выкинули вон — без сил, без хлеба, без крова — убирайся, мы из тебя пользы не можем получить. Он, может, завтра с голоду помрет, а тебе, свиное ухо, смех?

— Раскудахтался, чортов немец, — пробурчал татарин и ушел в казарму.

* * *

Самое лучшее из всего, что я сейчас переживаю, это утренний переход на работу. Встаем рано, часа в четыре. Пьем чай и идем. Небо совершенно голубое, чистое, не видно ни одного облачка. Из-за лесистых гор только-что вознеслось свежее солнце. Горы окутаны нежнейшей сизовато-фиолетовой дымкой. Тени еще не выступили, и горные массивы походят на гигантские силуэтные декорации, поставленные одна позади другой, одна выше другой. Цвет их постепенно бледнеет. Впереди стоят темно-зеленые, кзади ушли светло-зеленые дымчатые. Кругом зелены ковер тайги усыпан массою цветов.

Везде сверкают ярко-оранжевые огоньки, лиловые колокольчики — словно фонарики, какие-то розовые чашки, в роде мака — и тысячи других цветов. Тайга от тропки отошла вверх и вниз, к реке, но оставила после себя отдельные группы стройных елей, пихт, березок и рябин.

Воздух наполнен щебетанием птиц, то и дело пересекаются звонкие ручьи и речки, в лощинах погружаемся в застоявшиеся волны утреннего холода. Серебрится иней, горит пламенем крупная роса. Все сияет, уютно каждое местечко. Впереди же — заманчивая горная даль. Кажется, шел бы и шел по этой вьющейся узенькой тропинке.

Но рабочие были недовольны этим хождением и, чтобы освободиться от него, устроили на месте работ шалаш из веток и бересты. Тогда в шалаше поселился и я, и только Адрианов и Степной жили на Степановском прииске. Однако, ужился я в шалаше недолго.

Задул холодный ветер с дождем.

Все возвращались с работ в шалаш мокрые и, ложась спать, развешивали одежду и белье по всему шалашу. Везде болтались и мазали мокрые вонючие портянки, пропотевшие рубахи, штаны. Воздух от испарений становился тяжел и вызывал головную боль. Кроме того, один из рабочих был, видимо, болен туберкулезом и, не считаясь ни с чем, плевал во все стороны, так что нельзя было ступить, не попадая на его отхаркивания. В результате я с парнем Митькой перебрались жить под густую ель, хорошо защищавшую нас от дождя своею густою системой веток.

Наконец, приготовления закончены.

Вода приведена, сплотки готовы, трубы составлены. Остается лишь привинтить водобой с кольцом и направить в трубы воду, пока бегущую мимо них мутным потоком. Установив надлежащим образом водобой с помощью подставок и подвесок, Адрианов распоряжается дать воду.

Гигантская слегка изогнутая струя вырывается из носовки. Струя так плотна, и вода в ней движется так быстро, что кажется, будто неподвижная стеклянная дуга протянулась от носовки до забоя пласта.

У выхода из кольца струя тверда, как лед.

Подобно непрерывно падающим артиллерийским снарядам бьет струя в пласт. От ее могучего напора тает крепкое подножие пласта, словно оно сложено из снега и в него бьет круто кипящая вода.

Забой окутан бурым облаком из въедающейся в пласт массы воды, распыляющейся в целую тучу брызг и струй, увлекающих с собой все, что есть в забое. Взмываются во все стороны пласты песка, отрываются прочно залегшие пудовые валуны, бьют один другого, крошат уплотнившиеся комы глины, истирают их в порошок и промывают каждую крупинку. Ни одна, даже самая ничтожная золотинка, не останется в комке и не уйдет с ним, если только она сама не слишком тонка и легко переносима.

Дальше и дальше въедается струя в нижний слой пласта. Огромной глыбой висит он над плотиком.

И вдруг тяжело отрывается от склона и обрушивается вниз. Тогда «брызгало» направляется на эту груду, и струя начинает ее крошить, протирать и промывать, выпуская из нее бурый поток и толкая вперед стаи валунов и кучи гальки.

Несколько дальше этот крупный материал начинал задерживаться, а еще дальше задерживался и эфель.

Здесь приходилось помогать воде.

Рабочие, стоя по колена в воде, заступами прогоняли пески дальше, гальку вышвыривали вон на стороны, так что по бокам русла нарастали валы — галечные отвалы. Крупные камни извлекались прямо руками.

Иногда Адрианов уходил от водобоя осмотреть сплотки — не промыла ли вода где-нибудь втихомолку щель меж досок

сплотка и не уходит ли мимо труб? Тогда я становился на его место и вел работу брызгала. Большое наслаждение испытываешь, держа в своих руках сосредоточенную, струящуюся силу водной стихии, распоряжаясь ею по своему усмотрению, шутя ворочая и истирая в порошок целые горные хребты. Невольно гордишься силою человеческого ума, овладевающего силами природы и заставляющего эти силы служить человеку. Ты, вода, засыпала золото горами песков, нарастила на них густую тайгу — так сама же и снимай их с золота.

Одно лишь плохо было в этом явлении торжества человека — неравенство. При успехе работ результаты их не одинаково всех обрадовали бы. Одним успех принес бы светлый праздник, другим же лишь несколько лучшие условия труда.

Эти горькие мысли особенно животрепещущи были внизу, в канаве смыва. Приходил Адрианов, принимал от меня водобой, и я спускался вниз, брал в руки заступ и, войдя в воду, греб эфель вниз за водой, бросал на сторону гальку и выкатывал к берегу крупные валуны.

К вечеру уставшие, мокрые и голодные подымались наверх из огромной вымоины, обнажившей глубокие недра земли.

От вымоины вниз уходил глубокий открытый туннель, вырытый потоком. Вода закрывалась у начала приводного канала, шум ее затихал, и лишь маленькая струйка ее продолжала скатываться с обрыва, мелодически и скромно звеня капельками о поверхность образовавшейся внизу лужи.

Моросит дождь, сушиться плохо.

Часть работавших уходит ночевать на Степановский приск, трое рабочих и я остаемся в шалаше.

Набрали дров, развели огонь. Пока грелось ведро с водою для чая, сушили все, что было мокрого.

Мои товарищи были раздражены, каждый пустяк их сердил и выводил из себя. Особенно возмущался весь седой Нейман.

— Разве можно держать людей в таком положении? — говорил он нам, — без жилья, в мокроте, в грязи, на сухомятке. Ходить на стан? Спасибо! И так еле волочишь ноги, побродивши день в канаве.

Другой рабочий — Толкачев — сердито мотает головой и ворчит что-то себе под нос.

Круглолицый и светловолосый парень Митька ничего не говорит.

Толкачев и Нейман бывшие каторжане. Толкачев — высокий и статный старик. Продолговатое и крупное лицо смотрит хмуро и недобро. Над острыми глазами густые седые брови, волосы серы, белая борода с рыжим отливом. О прошлом не рассказывает, кроме того, что родом из Самарской губернии. В Толкачеве всегда бродит бунт. Не понравится что — вскипит, бросит Адрианову короткую ругательную фразу, но сейчас же вдруг смолкает, чтобы немного спустя онять блеснуть глазами и стегнуть обидным словом.

Нейман проще. Его кругловатое с небольшою бородкой лицо серьезно и спокойно. Он деловит и добросовестен в работе, одинаков на глазах и за глазами.

В этот вечер он очень промок, озяб и устал. Переодеться ему не во что, и он греется у огня, как есть, продолжая ворчать и жаловаться на условия жизни.

Старик ворчал, ворчал и, наконец, лег на траву у огня, сжался и заснул, не успев обсохнуть.

Что-то снится тебе, старина? Не давно ли покинутый родной край? Или и во сне ты ворочаешь заступом гальку в ледяной воде? Последнее, пожалуй, вероятнее — по стариковскому телу пробегает холодная дрожь, ежится спящий в комочек.

Набрасываю на него непромоканец — не помогает, земля холодна.

Вода в ведре закипела. Бросаю в нее горсть кирпичного чая и бужу Неймана. Поднимается с трудом, дрожит. Становится около огня сгорбленный, согнувшийся, с бессильно висящими впереди худыми руками. Мокрая рубаха прилипла к телу.

Горячий чай с сахаром приободрил старика, оборвал дрожь.

— Отчего бы вам, Нейман, не вернуться на родину? Ведь у вас там кто-нибудь остался?

— На родину мне нельзя вернуться.

— Почему?

— Там не станут возиться со всяким человеком. Это здесь, в Сибири, все равно, кто бы ты ни был, хотя бы убил сто человек — лишь бы был работник. У нас народ обходительный.

— Хороша обходительность, — возражаю я, — не хотят принять когда-то в чем-то провинившегося старика.

— Нет, я там никому не нужен, — повторил Нейман, — уж помру здесь, как дикий зверь.

* * *

Как ни трудна эта жизнь в тайге, все же она бледнеет перед прошлым приисковой жизни, о котором часто рассказывают в тайге.

Крепостного права в Сибири не было, но режим на приисках по своей суровости не уступал, пожалуй, и крепостному праву.

Наем рабочих производился осенью на один год, с 1 октября по 1 октября. Нанявшемуся давался задаток (до 100 рублей), который, обыкновенно, пропивался вместе с последней одеждой. Почти голыми являлись рабочие к условленному сроку на сборный двор, откуда уже никого не выпускали.

Двор окружался казаками.

Партия под конвоем отводилась на прииски, где рабочие поступали в полное распоряжение администрации.

Здесь рабочих изнуряли тяжелыми уроками, отнимавшими у них иногда 16 — 17 часов. Бывали случаи, что рабочие не успевали за день выполнить урок и не уходили на ночь в казарму, а пересыпали час — другой в забое, где-нибудь в сырой шахте или штольне.

После такого отдыха снова брались за работу, чтобы избежать «конюховской», на которой жестоко секли розгами.

Иногда эта жизнь становилась не вмоготу, и тот или иной рабочий убегал в тайгу, случалось, даже зимою. Тогда на беглеца устраивалась охота со специально обученными собаками, приводившая несчастного к той же конюшне, если только его не выручала смерть от холода и голода.

Известна особениость человеческой памяти сохранять из прошлого преимущественно приятные воспоминания и не очень держаться за плохие. Может-быть, этим объясняется сожаление о минувшем, высказываемое иногда стариками. Дело в том, что раньше рабочий имел право на некоторую часть «подъемного» золота, т.-е. находимого рабочим в забое в виде самородков. Это право питало в рабочем надежду на неожиданное счастье, в некоторых же случаях, действительно, делало его обладателем крупной суммы. С нею такой счастливец отправлялся в одно из тех сел, про которые иные сибиряки с гордостью говаривали — «вот у нас так село — пять кабаков, две церкви!». Здесь бралось вознаграждение за все вчерашнее рабство и притом со всею необузданностью темного, детски наивного человека. Широкая и длинная улица сибирского села выстилалась кумачем, и по нему приискатель катался на тройке, швыряя в народ пригоршни медяков.

После катания заезжал с подругою в магазин. Из магазина выбегал торговец — чего молодцу угодно?

— Давай конец!

Бежит купец в лавку, хватает алую кипу, разматывает конец, бегом подносит его гуляке.

— Бери! — кивает румяной подруге.

Хватается конец, тройка срывается с места и несется по селу, гремя колокольчиком и бубенцами. За тройкой алыми волнами ходит разматывающаяся кипа.

Так вознаграждали себя «счастливцы» за все несчастия. Через несколько недель золото оказывалось в карманах кабатчиков и торговцев, и удачник снова тянулся в тайгу на каторжный труд и на поиски нового счастья.

* * *

Когда был срыт обширный пласт, и остатки его в виде обогащенных проработкой песков растянулись полоской по канаве смыва, приступили к окончательной пробивке их на бутаре. Бутару поставили здесь же, у песков.

Промывка велась, как всегда, с большим напряжением. Сначала пески накладывались в колоду прямо заступами с места, но через два — три часа около бутары все было пробито, и далее материал подавался по выкатам на тачках. Кто шел с тачкой шагом, кто почти бежал, и пески непрерывно валились в колоду, не давая минуты перевести дух.

Под вечер, уже в сумерках, когда выкатывались последние тачки, парень Митька, трусом кативший свою тачку, вдруг выпустил ее из рук. Тачка свалилась на бок, и сам Митька, словно мешок, осел на узкий выкат. Голова легла на колени, руки повисли, как плети.

Бросил гребок, с другими подбежал к нему.

— Что с тобой, товарищ?

У Митьки на лбу выступила испарина, глаза остекленились.

— Ослаб, братцы...

— Давай, иди на стан, — распоряжается Адрианов.

Митька пробует двинуться и снова оседает на выкат.

Никита с чахоточным Василием берут Митьку под мышки и ведут на стан. Обмякшие руки парня бессильно лежат на плечах ведущих его, голова болтается на груди.

— Такого молодого нельзя на эту работу ставить, — негодует Нейман.

— А я разве знаю силы каждого, трудно — не берись, — оправдывается Адрианов, начиная съемку золота.

В глубоком молчании следят рабочие за тем, как Адрианов очищает колоду и бутару от песка, как мало-по-малу в разных местах показываются тускло желтеющие золотинки. Вот они сгребаются в одну кучку и переправляются на черпачек. На глаз золотников двадцать есть. Теперь остается выбрать из ямок и щелей более мелкое золото. Адрианов выливает из бутылочки в колоду и бутару струю ртути. Растекаясь она растворяет в себе оставшееся золото, давая творожистую амальгаму. Амальгама снимается на исачек и нагревается на огне. Ртуть испаряется, и остается золото.

Всего получилось золотников двадцать пять.

Это был сбор не блестящий, но и не плохой. С ним можно было и стоило работать.

Петр Иванович повеселел. Внутреннее напряжение, которое владело им последние дни, разрешилось благоприятно. Разошлись на лице какие-то морщинки, в глазах загорелись жизнь и надежда.

— Неужели это начало конца моих мытарств? Даже не верится...

— Теперь так даже, пожалуй, хорошо, что пришлось столь перетерпеть всего, — говорю я Петру Ивановичу, — благополучие, доставшееся даром, не чувствуется и не ценится.

— Да, это верно, но годы-то ведь уходят...

— Зато, как хорошо будет потом вспомнить пережитое! Оно горячим огнем и светом будет жить в ваших воспо-

минаниях и согреет еще не одну холодную минуту. От них никто никогда не гарантирован.

— Ну, ладно. А кого же теперь и за что будет пилить Фаина Прохоровна? — спросил Петр Иванович Адрианова.

— Найдет и кого и за что. Без этого ей не жизнь, — ухмыльнулся Трофим Гаврилович.

Веселей стали и рабочие. Петр Иванович хотя и хозяин, но хороший человек. Притом же все видели, что житье его — сплошное мытарство, и это равняло хозяина и рабочих. Уйти же в другое место, на другой прииск, или в летучку — всегда можно. Одно дело уходить по своему желанию, и совсем другое, когда уходишь без желания.

Была суббота, и почти все ушли праздновать на прииск. У разреза остались лишь я да чахоточный Василий.

Ветер стих, и небо мало-по-малу совершенно очистилось от туч и облаков. Стало очень свежо, чувствовалась близость ночного мороза.

— К утру хороший иней будет, запасай, Сергей, дров, — посоветовал Василий, имея в виду мой сон вне шалаша, под пихтой.

Дрова были собраны в достаточном количестве, и перед шалашом затрещал яркий костер, выкидывая в темную синеву вечера кучи золотых искр.

Василий обсушился, попил чаю и забрался в шалаш спать.

Долго кашлял, отхаркивался и, наконец, заснул.

Трудовой день взял все силы, и неудержимо влекло ко сну. С другой стороны вечер был очень красив, и хотелось посидеть спокойно у греющего огня и отдаться каким-нибудь иным мыслям, не тем, что одолевали в течение дня.

Прискучили разговоры о золоте, о гидравлике, о холоде и голоде.

Вся сила уходила на то лишь, чтобы поддержать жизнь, и не оставалось времени оглянуться на себя, посмо-

треть на окружающее с некоторого далека, мысленно отодвинув его от себя и, в том числе, себя самого. Но физическая усталость была сильнее желания, голова незаметно опускалась на грудь, и я засыпал, тотчас сваливаясь с камня, на котором сидел. Вставал с земли, снова садился, и опять минуты через три оказывался на траве.

Тайга же замерла в глубокой тишине, лишь резче оттеняемой отдельными шумами и шорохами. Внизу глухо шипел Кундат. Рядом шуршала мышка, и певуче капала вода с обрыва. Из глубины леса доносились отдельные голоса птичек. Меж вершин показался серебряный полумесяц и тихо поплыл над самою тайгой в сопровождении неизменного спутника — звезды. Когда звезда проходит за пихтой, то кажется, что самоцветный камень дрожит, как капля росы, на темной ветке, и что яркая капля вот-вот оборвется и покатится вниз, в густую таежную траву.

Сон победил, и я заснул.

Ночью был разбужен хрустом в рядом начинавшейся кустарниковой чаще. За хрустом послышалось могучее дыхание. Уж не медведь ли? Кому больше?

Бужу Василия. Осторожно выглядываем из шалаша. Хруст повторяется, и из-за края чащи медленно показывается смутный силуэт коровы.

— Маруся! — восклицаю я, — ах, чтоб тебя, неугомонная путешественница...

— Медведь так не ходит, — говорит Василий, — он подойдет — не услышишь, ни на один сучок не наступит.

Ложимся спать. Месяца уже нет, на небе сияют самые яркие звезды.

Утро и день были солнечные и бодрые. Над тайгой тянул ветерок, неся по чистейшему голубому простору резко очерченные, серебристо-серые облака. Под ветром размеренно качались пихты, беспокойно трепетали листьями березы и рябины.

Я лежал под своею зеленой кровлей и, не отрываясь, смотрел на это ритмичное движение зеленой стихии, на вольный бег облаков, на темнеющие вдали силуэты гор. Я как будто слушал музыку небывалой силы и красоты. Не из-за нее ли некоторые темные таежники так привязываются к тайге, что вне ее томятся и тоскуют?

Слушаешь гармоническую песню леса и забываешь все на свете.

Дремлется, грезится под рокот таежных струн. Сливаешься с матерью-природой, делаешься незаметно мал и бесконечно велик.

Разгораются краски жизни, тают невзгоды, и даже сама смерть теряет свои черные покровы и становится совсем не страшной и простой. Шуми и пой, тайга! Зови к себе людей и навевай им праздничные мысли!

* * *

Утром пришли рабочие с Адриановым. У большинства болели головы, и то и дело срывалось:

— Опохмелиться бы!

Вчера на прииске было изрядно выпито — подвернулся спиртонос. Торговля спиртом на приисках строго воспрещается, но какой закон не обходится? Надо же таежнику встряхнуться, тоже в своем роде отойти от себя, хоть на часок, хоть призрачно, свернуть в сторону от избитой и надоевшей тропки повседневной жизни, увидеть окружающее в размалеванном виде.

Был вчера на прииске и приисковый поп Илья, объезжающий верхом на коне свою разбросанную и равнодушную к делам веры паству.

Отец Илья насквозь проспиртовался.

— Новую мощу откроем, — смеются рабочие, — его уж гниль не возьмет.

Приезжает батюшка для выполнения разных треб, но вследствие быстрого приведения себя к совершенно непотребному виду выполнение священных операций часто оказывается невозможным. Потом одолевает головная боль. Дело разрешается просто: батюшка, собрав рубли на молебствия и панихиды, пошатываясь, садится на коня.

— А молебен, батюшка? А мне панихиду? — протестуют приисковые бабы.

— Там отслужу, родимые, — сипло басит поп Илья и направляется к следующему прииску.

* * *

Петра Ивановича мы почти перестали видеть. Остаток от покрытия текущих расходов он обратил на разведку.

У него на Варваринке был участок, на который возлагались большие надежды. Судя по соседним месторождениям, на Варваринке где-то близко (по мнению Петра Ивановича) должна была залегать кварцевая жила с хорошим золотом. Здесь он и жил с несколькими рабочими, роясь в склонах гор, упорно разыскивая где-то притаившуюся жилу.

Наша гидравлика делала свое дело.

На месте лесистой лощины образовалась широкая и глубокая выработка, напоминающая огромную рану на зеленой груди гор. День за днем эта рана ширилась.

Железный червяк гидравлики срывал пласт за пластом и резко менял общий вид местности.

В один вечер с бутары было снято золота как будто меньше, чем в прошедшие дни. Весы показали уменьшение на два золотника.

Это было неприятно потому, что до этого вечера ежедневная съемка золота, хотя и медленно, но непрерывно увеличивалась. Адрианов приписал это снижение случайной бедности какого-либо небольшого участка.

На другой и на третий дни съемки были удовлетворительны.

Но следующий вечер дал опять снижение. Адрианов забеспокоился, известил Петра Ивановича. Последний тотчас прибыл на выработку, и сам стал направлять ход работ.

Съемки неизменно падали, лишь в некоторые дни, как будто случайно, оказываясь приблизительно прежними.

Стали искать исчезающее золото — били шурфы, дудки — пробы получались сомнительные.

Пока еще работы оправдывали себя, но если бы ухудшение продолжалось, то скоро наступил бы момент, когда не было бы смысла вести разработку пласта.

День за днем момент этот приближался.

И вот, как крысы с тонущего судна, начали уходить от Петра Ивановича рабочие.

Кончались работы, проходил ужин, и почти каждый день кто-нибудь приходил за расчетом — боялись опоздать с уходом, как бы не пришлось итти без расчета.

Петр Иванович сердился, терял иногда самообладание и обзывал уходивших шпанами и бродягами, пробовал удерживать их, доказывая, что пласт не мог совершенно выклиниться, что золото непременно будет.

— Все может быть, а только мне надобен расчет,— возражает уходящий и остается при своем решении.

Разведка на Варваринке оборвалась, гидравлическая промывка в некоторые дни шла в убыток.

Между тем август был на исходе. До зимы, когда гидравлика должна была сама собою остановиться, было недалеко.

Надежды на хороший заработок и на скопление некоторой суммы, чтобы иметь возможность учиться как следует, угасли. Надо было возвращаться и мне.

Но на дорогу не было ни одного рубля. Петр Иванович снова уехал куда-то, чтобы каким-нибудь способом выйти из трудного материального положения. Он был

искренне уверен в случайности переживаемой заминки, или, может-быть, не решался думать иначе.

Я решил занять денег у знакомого, служившего на значительном прииске верстах в шестидесяти от нашей выработки. Рано утром в воскресенье оседлал гнедка и отправился по указанному направлению.

Дорогою служила, как и везде здесь, узенькая тропинка, на которой едва могли разъехаться два всадника.

Большая часть пути приходилась на лес. Иногда тропка выходила на открытые склоны, поросшие высокою и густою травой, взвивалась высоко вверх, и затем снова скрывалась в густом лесу и сбегала вниз, в сырые и полутемные лощины. Здесь, обычно, шумел поток, и росли огромные осины, серебристые тополи, ивы, пышно и буйно зеленели травы и кустарники. Всюду по обе стороны краснела малина, на южных же сухих склонах чернели гроздья крупной и сладкой черной смородины. В одном месте, где тропа правильной и длинною дугой огибала хребет, я тронул поводья, и гнедко стрелой понесся по мягкой и ровной дорожке, пофыркивая и распуская по ветру гриву и хвост. Вдруг на загибе через тропку перемахнуло что-то рыжеватое. Осадил коня—в густой траве мелькнула еще раза три мохнатая спина большого рыжего козла и в несколько секунд скрылась в лесу.

Скоро после этого я въехал в лес, и довольно быстро подвигался вперед так называемою «ступью», т.-е. чем-то средним между скорым шагом и мелкою рысью. Лес пошел густой, в двух шагах от тропки уже ничего нельзя было рассмотреть. Вдруг гнедко остановился, тревожно зашевелил ушами и скосился на сторону.

Я вглядывался в чащу, прислушивался, но ничего не мог уловить.

Я понукал гнедка итти дальше, но лошадь упиралась и пугливо пятилась назад. Тогда я стегнул ее поводом.

Гнедко рванулся, так что я едва усидел в седле, и понесся галопом вперед. Я натянул поводья, но гнедко несся и несся вперед. Мелькали крутые повороты, опасно торчащие сучья и пни, крутые спуски и подъемы, в лицо хлестали нависшие над дорожкой ветви.

Понемногу лошадь успокоилась и побежала обычной рысью. Повидимому, где-то близко от тропки был медведь, и лошадь почуяла его.

Немного спустя с тревогой замечаю, что тропка потеряла ясность очертания, по словам же Адрианова она все время хорошо заметна.

Куда же это гнедко свернул?

Повернул лошадь назад и через некоторое время очутился в тупике—тропка прекращалась, и притом увидел местность, по которой как будто и не проезжал. Значит, опять свернул в сторону.

Вспомнил совет Никиты, что если придется заблудиться с конем в тайге, то самое лучшее предоставить коню идти куда он хочет. Так и сделал. Повернул снова назад и выехал на едва заметную тропку. Опустил поводья. Гнедко спокойно зашагал по ней, и скоро мы очутились в густом лесу, где тропка совсем исчезла, по крайней мере мои глаза ее совсем не различали. Гнедко же шел и шел куда-то. День уже близился к концу, и солнце, уже близкое к горизонту, иногда показывалось между деревьев.

Мной овладевало беспокойство, и я начал придумывать выходы из своего, казалось мне, довольно опасного положения. И вдруг—точно комарик где-то запел тоненько и протяжно.

«Гудок, гудок!»—радостно пронеслось в голове.

Действительно, это был гудок на окончание работ на прииске.

Гнедко вывез. Он пошел веселее, вышел скоро на большую тропу, и вечером я был на прииске.

Радушно встреченный знакомым переночевал здесь, утром получил необходимые деньги и поскакал обратно.

Путь был указан более умело, и я под вечер благополучно вернулся на Степановский прииск.

На другой же день на мое счастие попался обратный ямщик с двумя верховыми лошадьми, за недорогую плату давший мне лошадь до рудника Беррикуля, куда он сам направлялся.

Я написал прощальное письмо Петру Ивановичу, сердечно распрощался с Адриановым и рабочими, с которыми было пережито много и горьких и радостных минут, и отправился с ямщиком в путь.

РУДНИК.

Осень, пожалуй, лучшее время в тайге.

Ночные морозы убивают гнус—слепней, оводов, исчезают комары, и со всеми этими насекомыми тайга освобождается от самой страшной своей особенности. Солнечные дни здесь не редкость, и небо в такие дни бывает поразительно чистого, густого синего цвета. Небу не уступает в смысле красоты ярко-желтая и оранжевая листва берез и осин, рябина же кажется охваченной багрово-красным пламенем.

После полудня остановились попить чаю на маленьком, давно не работающем прииске. В почти единственной сохранившейся постройке его жил старик—хозяин с сыном, кое-как перебивавшиеся на остатки от прошлого и на небольшие доходы от маленького хозяйства.

С неделю назад они пережили несколько неприятных минут. Почти на дворе усадьбы на корову напал медведь. Старик с сыном выбежали отбивать животное: старик с маленькой винтовкой, годной лишь на рябчиков, сын—

с дробовиком. Тогда медведь оставил корову, повалил старика и основательно поцарапал ему спину. Однако, старик показался медведю, видимо, не стоющим внимания, зверь его бросил и вернулся к корове. Старик с сыном не стали более испытывать судьбу и пустились на утек в помещение.

Ночь застала нас в пути. Небо заволокло тучами, и все исчезло в полной темноте. Я не видел лошади, своей руки.

Затем разразилась гроза, и мы решили ночевать у тропы. Пользуясь то и дело ослепительно сверкавшей молнией собрали дров, устроили из непромоканцев шалашик и развели огонь. Стреноженные лошади паслись здесь же.

Хлынул ливень, но под шалашиком было сухо, и мы хорошо поспали до утра.

Днем опять ласково сияло осеннее солнце. К вечеру прибыли на Беррикуль, в котором до трех тысяч рабочих и служащих, считая и их семьи. Впрочем, женщин и детей здесь видно мало.

Но это поселение резко отличается от уездного городка как по содержанию жизни, так и по внешнему облику.

Здесь все работают на одном деле, у всех один распорядок дня, и здесь нет ничего не делающих, если не считать жен высшей администрации, иногда приезжающих сюда варить варение да покататься верхом.

Не видно торговцев. Все необходимое рабочие и служащие получают из склада и магазина предприятия. Не видно праздношатающихся, жизнь, видимо, насыщена напряженным трудом.

На руднике — восьмичасовой рабочий день. Заработок — один рубль в день и выше. На приисках всегда ощущается нехватка рабочих рук, и заработок здесь всегда удовлетворительный.

Строения рудника раскинулись по долине потока Беррикуля, заняв и боковые склоны долины. На самом потоке стоит завод рудника, здесь же ход в шахты и штольны.

Неподалеку контора, склады, магазин, дома управляющего, инженеров, штейгеров (горных техников), разных служащих конторы, складов и пр. Дальше раскинулись казармы и домики рабочих.

С моим пребыванием здесь совпал приезд на рудник окружного горного инженера, обязанностью которого является следить за выполнением требований закона относительно мер безопасности работ, санитарного состояния рабочих жилищ, доброкачественности отпускаемых рабочим продуктов и т. д. Как раз та плохая мука, которую в трудную минуту подобрал Петр Иванович, была выброшена из склада по требованию этого горного инженера.

Я попросил разрешения присутствовать при обходе. Это было разрешено, и, таким образом, мне удалось видеть весь процесс добывания золота из руды от начала до конца.

Обходившая рудник группа состояла из следующих лиц. Управляющий прииска — седой благообразный старик из местных крестьян, отлично знающий тайгу и рабочих и умеющий хорошо ладить с ними. Инженер прииска — знаток золотого дела, окончил Фрейбургскую (в Германии) горную академию, весь ушел в свою специальность. Штейгер — полный человек, что называется собаку съевший на своем деле, следит за работой в главном забое. Окружной горный инженер — спокойный и уравновешенный человек, который мало говорит, но много смотрит.

Сначала отправились к подземным работам.

В немногих словах ход работы, как я его наблюдал на Беррикуле, таков.

Труд на руднике хорошо механизирован, работают пар и сжатый воздух. В маленьких вагонетках по рельсам спустились по наклонной шахте на глубину девяноста сажен. Здесь в разные стороны шли штольны, горизонтальные ходы, приводившие к забоям. Порода была очень крепка, верх штольны сводчатый, и поэтому креплений было мало. Отовсюду сочи-

лась и капала вода, проникавшая сюда по трещинам в породе. Под ногами часто попадались лужи. Для откачки воды имеются механически работающие насосы — без них подземные выработки скоро заполнились бы водой. Освещаются ходы электрическими лампочками. В общем сыро и темновато. Первое время, со света, итти приходилось

Средний по размерам приск в Кузнецком Ала-тау.

почти ощупью. Потом глаз привык, и стало видно довольно хорошо. Кое-где держались клубы тумана, и в них фигуры рабочих казались бесформенными темными пятнами. Воздух проветривался искусственными вентиляторами, доставлявшими, согласно установленным законом правилам, один кубический метр воздуха в минуту на одного рабочего.

Рабочих видно было немного. Все они были в брезентовых костюмах. Лица многих смотрели угрюмо, другие

окидывали группу осматривавших презрительными и враждебными взглядами. У многих лицо выражало усталость и изможденность.

Пожалуй, предпочтешь двенадцати-часовой рабочий день в ледяной канаве смыва этому восьми-часовому рабочему дню.

Подошли к забою. Около него, среди груды обломков пород, пять серых фигур нагружают рудой вагонетки. Наполнив их доверху откатывают к шахте, где могучий пар подымает их наверх и доставляет на завод.

Когда забой очистился от загромождения, штейгер пустил в ход бур, приводимый в движение сжатым воздухом. Весело было слушать и смотреть на эту работу. Что-то бодрое и задорное есть в частом, оглушительно-звонком и четком стуке бура. Не менее красива и та легкость, с которою он сверлил и входил в породу, словно перед ним была не каменная скала, но мягкое дерево.

Сделав восемь шпуров, штейгер заложил в них восемь же динамитных патронов и, быстро зажегши один за другим восемь затравок, поспешно отошел вместе с рабочими и нами за поворот штольны.

Прошло несколько секунд в ожидании, и затем один за другим оглушительно ударили восемь взрывов, от которых, казалось, дрогнули сами скалы штальны. Воздух густыми и сильными волнами понесся по штольне, гудя и шумя в ушах.

Подойдя опять к забою, увидели огромную кучу обломков, за которые принялись те же рабочие. От забоя пошли на завод — обширное здание с рядом механизмов, шаг за шагом извлекающих из руды золото. Из шахты вагонетки доставляют руду сначала к толчеям. Это огромные ступы, в которых руда толчется многопудовыми пестами. Каждый пест поднимается на определенную высоту так называемым «кулаком», особою зацепой, непрерывно вращающейся. Там

пест соскакивает с кулака и всею тяжестью падает в ступу, дробя обломки руды, пока другой зубец кулака снова не поднимет пест кверху. Работа этих грузных и массивных снарядов сопровождается сильным шумом. Толчеями руда измельчается на куски величиною с орех.

От толчей материал переправляется к «бегунам». Бегуны — это мощные жернова, которые не вращаются в горизонтальной плоскости, как на обычных мельницах, но попарно «бегают» по кругу в большом резервуаре по обработанному толчеями материалу и крошат его почти в муку. Каждые два бегуна поставлены вертикально и соединены между собою на известном расстоянии горизонтальною осью. Горизонтальная ось особым механизмом приводится во вращательное движение в горизонтальной плоскости и, таким образом, бегуны непрерывно катятся по кругу. Через резервуары с бегунами пропускается вода, которая увлекает материал дальше и несет его по наклонной системе широких желобов, дно и бока которых сложены из амальгамированных медных досок, т.-е. из меди, пропитанной ртутью. Поперек досок в нескольких местах залегают порожки — плинтусы.

Перед обедом, около полудня, с досок снималось золото, предварительно растворенное в ртути на медных досках.

Воду с досок отвели в сторону.

Затем рабочий-татарин надел на руки кожаные перчатки, чтобы предохранить руку от втирания в нее и далее в организм ртути, так как последняя может быть для организма губительна. В присутствии администрации татарин начал рукою сгребать амальгаму, имевшую вид серебристой творожистой массы. Когда сгребалась значительная кучка, рабочий клал ее в замшевый мешечек и переходил к другому месту. Когда вся амальгама была собрана, рабочий крепко закрутил мешечек, и из него, словно сыворотка

из творога, выступила ртуть и светлой струей полилась на медные доски.

Выжав излишек ртути, рабочий вытряс из мешка амальгаму на две широкие сковороды и распределил ее равномерно по дну сосудов. Сковороды были помещены в особую печь, где ртуть должна была улетучиться в виде паров. Действительно, скоро из печи были вынуты две огромные золотые лепешки. Это золото было пористо, поэтому его надо было сплавить в плотный брус. Операция эта производится здесь же на заводе.

На медных досках улавливается не все золото. Не менее одной четверти его уходит с досок в так называемом «шламме», т.-е. в мелкой мути, уносимой водой. Этот шламм скопляется ниже досок по руслу потока и подвергается дальнейшей, уже химической обработке. Эти осадки помещают в огромные чаны, наполненные водою, содержащею в растворе или синеродистый калий, или хлор. Как первый, так и второй растворяют золото, переводя его в растворимое в воде соединение. Для лучшего соприкосновения золотых частичек в шламме с растворителем муть в чанах взмучивается особыми мешалками. Когда все золото перейдет в раствор, дают мути, уже лишенной золота, осесть, и отделяют раствор от ненужной осевшей массы.

Теперь остается осадить золото из раствора. Для осаждения золота из раствора в синеродистом калие употребляется обычно цинк. На его стружках золото и осаждается. Для осаждения хлорного золота применяется железный купорос.

В настоящее время эти химические способы извлечения золота широко распространились и сделали золотое дело гораздо более выгодным и менее хищническим, так как позволяют с выгодой работать там, где прежде никто не стал бы работать. Во многих местах приступили даже к переработке старых отвалов, в которых хищническая работа оставила значительное количество золота.

Золото сдается в казну в Томске, при чем здесь же устанавливается проба золота. Последнее в природе, обыкновенно, бывает сплавлено с серебром, с медью и некоторыми другими металлами. Количество серебра иногда достигает 50%.

Доставка золота с рудника на станцию железной дороги сопряжена с некоторым риском, так как здесь нередки нападения на караваны, ограбления и убийства. Поэтому время

Отправление на разведку.

отправления каравана тщательно скрывается и распускаются слухи, вводящие возможных грабителей в заблуждение. Так, например, как будто случайно, кто-нибудь из осведомленных лиц пускает в ход слух, что караван выступит в такой-то день по такой-то тропке, тогда как в действительности решено отправиться совсем в иной день и по другой дороге.

Недавно на этой почве произошел такой случай.

По одной из таежных тропок возвращались домой рабочие. С ними были женщины и дети. Все были верхами,

дети находились при матерях. Несложное имущество шло вьюками.

На дороге попался завал, какие часто бывают после бури. Кое-как с трудом обошли его чащей. Едва тронулись в дальнейший путь, как из чащи раздались выстрелы. Караван рванулся уходить, но тут же очутился перед вторым завалом, устроенным как и первый грабителями. Пока караван метался взад и вперед, все были перестреляны, в том числе женщины и дети. Но ожидающегося золота у каравана не оказалось. Настоящий золотой караван благополучно прошел другим путем, и разбойники ни с чем ушли от своего кровавого дела.

ОБРАТНО.

От Беррикуля удалось устроиться с инженером, направлявшимся в Томск. Здесь начинается колесная дорога, и мы ехали в просторном тарантасе, запряженном тройкой крепких лошадей. Ездят здесь быстро, и ямщик то и дело пускает лошадей вскачь, особенно с некрутых склонов, после которых с разгону лошади несутся еще почти до половины следующего подъема. Затем ямщик соскакивает с тарантаса и дает лошадям спокойным шагом подняться до верху, сам идя за тарантасом. На верху ямщик опять садится на облучок, вскрикивает, и тройка начинает нестись, оглушая колокольчиком и подзванивающими ему бубенцами.

В Тисуле остановились переночевать. В селе гуляла удачно поработавшая летучка. По широкой улице взад-вперед скакали тройки с хмельными золотоискателями, наполняя вечернюю тишину громом колокольчиков и бубенцов, нестройными песнями и разухабистой гармошкой.

Утром, в едва начавшей сереть темноте, отправились дальше. Кругом все смутно и широко. Широка и длинна улица сибирского села, широки и пустынны поля, далеко

раздалось во все стороны раздолье полей и лесов. Мелькают верстовые столбы, летят во все стороны комья грязи.

Проезжаем новую деревню. Кое-где в окнах светится огонь. В одной избе в окно видно яркое полымя русской печи, и в нос ударяет вкусный чадок — то хозяйка, вероятно, готовит сибирские шаньги или блины. Слышится мычание коров. Откуда-то доносится бодрый утренний говор. На звон колокольчика открывается окно, и из него высовывается любопытствующее лицо женщины. По улице проходят девушки, смотрят на едущих, смеются.

Деревня остается позади. Опять пустынные поля, перелески, кустарники.

Часам к десяти прибыли на ст. Тяжин. Подошел скорый «российский» поезд, и я вошел в вагон.

Еще быстрее понеслись назад леса и поля. Деревень мало видно из окна вагона. Они растянулись главным образом по сибирскому тракту, по знаменитой «Владимирке», проходящей на некотором расстоянии от полотна железной дороги. О близости сел и деревень говорят жареные гуси, утки, куры, поросята, сливочное масло, яйца, бисквиты, хлеб, выносимые крестьянками к поездам, так что у станций развертываются целые базары. Сначала тянутся леса, у железной дороги сильно разреженные, а затем идет степь. Одна за другой пересекаются могучие сибирские реки — Томь, Обь, Иртыш, Ишим, Тобол. Минуются по-американски быстро возникшие и растущие города — Ново-Николаевск, Омск, Петропавловск, Курган, развитие которых обусловлено мощным ростом западно-сибирского маслоделия.

В вагоне много студентов и студенток, едущих учиться в университетские города Европейской России. Здесь же актерская труппа, возвращающаяся из артистической поездки по Сибири. Составился отличный хор, и песня за песней стройно звучит в сумерках ночи. Сильный и прекрасный женский голос поет про Ермака, что «сидел объятый думой

на берегу высоком Иртыша», и за ним вольно и широко льется хор, как будто споря с женским голосом в красоте и выразительности музыкальной картины.

Поезд тоже ведет песню, часто и ритмично выстукивая свою постоянную дробь. В этой песне своя музыкальность, свое содержание.

Поезд мчится к Челябинску. За окном мелькает ночная степь, широкая, безграничная, вся потонувшая в серебристой дымке легких испарений, пронизанных светом луны. Пустынно и тихо в степи. Иногда в открытое окно плеснет свежая и ароматная волна влажного воздуха, донесется неясный крик не то птицы, не то человека, мелькнет далекий огонек киргизского кочевья, сверкнет полоска степного озерка.

Степь и степь кругом.

За Челябинском начался средний Урал, за свои минеральные богатства называемый иногда Рудным Уралом. Его склоны так пологи, что совсем не получается впечатления горной области. Зато здесь уже вполне царствует лес. Куда ни посмотришь — сосны и ели, ели и сосны.

Не чувствуется зажиточности сибирского населения. У станций торгуют вяло и мало.

День за днем поезд прорезал леса севера. Прошли мимо надписи — Екатеринбург, Пермь, Вятка, Вологда. Наконец, на шестые сутки, мелькнули мшистые, топкие болота с реденькими лесками и, вдали, вырисовалось на однотонной пелене серых облаков грязно-бурое косматое пятно фабричных дымов, прорезанное параллельными черточками заводских труб.

Железнодорожный путь расширился, с той и другой стороны к нему прибавляются один за другим новые пути и, наконец, поезд стал под навесом огромного вокзала, пройдя поперек европейско-азиатский материк и подойдя к окну в Европу.

* * *

Спустя два года мною было получено с приисков такое письмо:

«Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Наконец-то все-таки вы известили о себе. Я думал, что вы уж где-то за тридевять земель. Пишу наскоро, извиняюсь, может, что и важное пропущу, а о ерундистике извещу.

Живем по старому, богатство пока не одолевает, а нужды сколько угодно. Не знаю, что нынешний год даст.

Гидравлика наша в ходу, дошла уже до старых отвалов, а как вперед подадимся, это трудно написать, но нужно бы как-нибудь побольше смыть, а то уж будет сильно туго. И ныне было не важно, но все-таки Петр Иванович как-то устроился. Дальше надо во что бы то ни стало мыть золото.

Живем мы с Петром Ивановичем по-хорошему и вперед не думаю, чтобы вышло что худое. Бьемся пока за свое существование, я что-то все-таки надеюсь, что мы вылезем из этой нужды. Может-быть, терпение и труд все перетрут.

Семья моя пока состоит из четырех детей — одного сына и трех дочерей. Еще П. М. Сизов с Васильевского прииска перешел к нам служить, а свой прииск бросил, одно мучение с ним было.

Рабочих ныне мало и взять негде: угнали молодых на войну. Я еще остался пока неугнанный, с приисков ополченцы освобождены.

Петр Иванович ныне на плоту уплыл по Кие в Томск. Здоровье его такое же, как и раньше, почти ничего не ест, но чувствует себя не так уж плохо.

Рабочие живут те же, частенько вас поминают. А Фаина Прохоровна завсегда поминает — эн, где Сергей Иванович! Фаина Прохоровна шлет вам особый от себя сердечный уважаемый привет.

Центральный рудник все еще работает, но хорошего у них ничего пока не выходит, своих расходов не могут оправдать. Филимон на Николке в прошлом году работал плохо. Беррикуль по слухам работает хорошо.

Еще извиняюсь — пишу тороплюсь. Пропишите, как вы живете, какая ваша должность и ответственность, вместе ли живете с женой и как устроились в материальном и финансовом отношении.

Уважающий вас *Т. Адрианов.*

28 мая 1915 г.

ВООБЩЕ О ЗОЛОТЕ.

Золото очень ковко и тягуче. Можно прокаткой получить листок золота толщиною в 0,0001 миллиметра и 1/20 грамма золота вытянуть в проволоку длиною в 162 метра. Удельный вес золота 19,3, оно тяжелее большинства металлов.

Плавится чистое золото при 1064°. На воздухе не окисляется. Растворяется только в царской водке (смесь азотной и соляной кислот), в растворах, выделяющих хлор, в растворах цианистого (синеродистого) калия в присутствии кислорода воздуха.

Из природных химических соединений золота наиболее частым является соединение с теллуром, остальные соединения непрочны и легко разлагаются. Поэтому в природе золото встречается главным образом в свободном состоянии и отнесено к числу «благородных» металлов.

Золото легко растворяется в ртути, образуя с нею сплав, называемый золотой амальгамой. На этом свойстве его основано извлечение золота из руд в первой стадии золотодобывающего процесса. Из амальгамы золото получается выпариванием ртути, причем пары ее проводятся в холодильник, где сгущаются в жидкую ртуть, затем опять идущую в дело.

Коренным месторождением золота является обыкновенно кварцевая жила, прорезающая другую горную породу.

Иногда золото входит в состав минералов серного и медного колчеданов. В этом случае оно или распылено по всей массе минерала, или покрывает его тонкой пленкой.

Такое золото называется связанным, и извлечение его из руды в этом случае представляет значительные трудности, требуя обжига руды.

Добыча и обработка рудного, т.-е. добываемого из коренных месторождений, золота составляет предмет металлургии золота.

Под золотым делом разумеется, обычно, эксплуатация золотых россыпей, т.-е. продуктов разрушения коренных месторождений.

Наиболее богаты золотом четыре страны — Трансвааль в южной Африке, Соедин. Штаты Сев. Америки, западные штаты Австралии и некоторые районы нашего Союза республик.

В Трансваале золото добывается в богатейшем в мире месторождении из конгломератов, т.-е. из породы, образованной сцементированными обломками других пород. Золото здесь содержится в цементирующем веществе в количестве около 1,3 грамм на 100 килограмм руды.

В Америке особенно богата золотом Калифорния. Содержание золота от 1,6 до 1,8 *г* в 100 *кг* руды. Кое-где попадаются месторождения с содержанием до 15 *г* на 100 *кг* руды.

Главное золото Австралии добывается из теллуристых и сернотеллуристых руд юго-западной части материка. Содержание золота приблизительно то же, что и в Америке.

В СССР золото извлекается главным образом из россыпей, что говорит о низком уровне состояния нашей золото-

промышленности и о том, что последняя находится на начальной стадии своего развития.

Добыча золота в килограммах иллюстрируется следующими цифрами, относящимися к 1915 году:

Трансвааль	282 890 *кг*
Соед. Шт. Сев. Америки	157 188 *кг*
Австралия	73 908 *кг*
Довоенная Россия	43 948 *кг*

За границей главная масса золота добывается из руд, на рассыпное приходится не более 5 или 7%.

В довоенной России (1913 год) рудное золото составляло лишь 15% всей его добычи, остальные 85% падали на россыпное золото. Для получения последнего применяются уже описанные способы промывки на бутаре, смыва и гидравлики. Кроме того на россыпях часто работают драгами. Рис. № 8. Драга — своего рода баржа, плавающая по водоему с дном из золотосодержащих песков. На этой барже устанавливаются приспособления для промывки и амальгамации песков и для цианирования хвостов (остатков), а также для отвода переработанного материала на сторону. Вся работа производится помощью паровых машин.

В последнее время начинает применяться электрическая энергия.

Таким образом, драга является пловучим прииском, легко передвигающимся к пескам. Последнее обстоятельство очень удешевляет стоимость работ и позволяет работать на песках с небольшим содержанием золота. В Калифорнии золото добывается из россыпей, в которых на одну весовую часть золота приходится 15 000 000 весовых частей песков. Драга в час может подымать около 50 тонн песков и более с глубины около 10 метров при очень небольшом рабочем составе. Два человека в каждую восьмичасовую смену, хороший кузнец и смотритель, знающий машины,— вот и

весь состав. Стоимость драги — 50 и более тысяч довоенных рублей.

Если водоем мелок, то его можно углубить постройкой плотины.

Из руд золото извлекается уже описанным для Берикульского рудника порядком. Надо лишь прибавить, что в настоящее время в металлургии золота основное значение приобретает цианирование, дающее наиболее полное извлечение металла. Этот способ позволил взяться за те месторождения, которые раньше считались не стоящими разработки и, более того, дал возможность с выгодой работать на отвалах старых приисков.

Теперь работают на рудах, в которых одна весовая часть золота приходится на 80 000 весовых частей породы.

Все же добыча золота дорого обходится, и нередко стоимость ее равна стоимости полученного металла.

Это видно из того, что многие золотопромышленные предприятия дают очень слабый доход. В 1911 году из 20 сравнительно крупных предприятий, работавших в России, два были убыточны, пять дали прибыль до 3%, четыре предприятия выдали дивиденд в размере от 3 до 20% и лишь четыре свыше 20%. Общая же прибыль всех золотопромышленных предприятий России в 1911 году не превышала приблизительно 4,7% на вложенные в них капиталы. Во всяком случае, в золотом деле гораздо больше несчастливцев, чем счастливцев.

Как раз не качества золота создают его высокую ценность, но, главным образом, трудность его добывания, проистекающая из крайней его распыленности в породах. Это не железо, на которое приходится более половины веса в железной руде.

Дороговизна добывания, а также неизменяемость на воздухе сделали золото мерилом ценности материальных

благ. Из него чеканится монета, и им государства обеспечивают выпускаемые бумажные деньги.[1]

Отсюда понятна погоня людей за золотом, как за средством материального обеспечения. Огромное количество труда, неистощимой энергии, героической настойчивости вложено человечеством в золотое дело. Золотоискатели заселяли пустыни, проводили дороги, строили города, до неузнаваемости изменяли облик целых стран, приобщая их к промышленной жизни культурных государств. Так заселились Калифорния, Аляска, Австралия, так заселяется у нас сейчас восточная Сибирь. Кости золотоискателей рассеяны повсюду.

Думается, что если бы вся «золотая» энергия людей была направлена на создание не индивидуального благополучия, но общечеловеческого, то ее хватило бы, чтобы нашу несчастную землю сделать землей счастливцев. Будем стремиться к такому положению, при котором золото не было бы источником насилий и преступлений и было бы человеку нужно не больше, чем нужен девушке полевой цветок, которым она украшает свои волосы.

* * *

Золотопромышленность нашего Союза переживает тяжелый кризис. Революция и гражданская война потрясли ее до самого основания. Целый ряд крупнейших предприятий не только остановил свои работы, но и дошел до такого состояния, при котором возобновление работ в надлежащем размере невозможно без больших затрат. Шахты и штольны залиты водою, постройки иногда сожжены, иногда стали негодны за отсутствием досмотра, механизмы испорчены или расхищены. Положение мелкой золотопромышленности

[1] См. проф. Мостович. «Обработка золотосодержащих руд. Амальгамация.» Томск. 1922.

в Западной Сибири по донесениям Сибгорпрома рисуется в следующем виде:

«Приисковые площади изрыты хищниками, капитальные канавы, плотины, разрезы завалены и залиты водой.

Хозяйственные постройки, технические сооружения разрушены и разрушаются без ремонта и надзора.

Оставшееся имущество не учтено и не охраняется. Нужен отпуск специальных средств для инвентаризации и охраны...» (Горный инженер А. Крылов. Золотопромышленность в 1922 — 23 операционном году. Горный журнал. 1924 г. № 1).

На месте прежних крупных предприятий возникли государственные тресты (Ленсолото, Золоторуда, Енсолото Алданзолото и др).

Наследие было получено в большинстве случаев в сильно расстроенном виде, оборотных средств не хватало, и многие тресты работали в убыток. Это побудило государственную власть отказаться от эксплуатации таких предприятий, предоставив их частной инициативе в форме аренды и оставить за государством лишь те рудники и прииски, с которых обеспечен надлежащий доход. Наиболее ценными являются предприятия восточной Сибири, расположенные в бассейне р. Лены, по ее притокам справа Витиму и Алдану. По Витиму раскинулись знаменитые Бодайбинские прииски. На некоторых из них содержание золота больше 1 грамма на один кубический метр песков.

В последнее время особенно прославились прииски по р. Алдану, где на землях треста работает много старательских артелей (Рихтер. «Наш Клондайк». Известия 1926 г.).

В восточной же Сибири и на Дальнем Востоке наиболее широко развертывается концессионная (арендная) деятельность иностранных капиталистических предприятий. Обладая большими оборотными средствами, они смогут поставить дело согласно с современными требованиями золотопро-

мышленности, улучшат существующие дороги и проведут новые и, таким образом, будут способствовать хозяйственному развитию края.

Согласно новым узаконениям изменено правовое положение «летучек».

Теперь они подведены под термин «вольные приискатели». По данному заявлению каждому вольному приискателю отводится небольшая площадь (не более 1150 кв. метров) до выработки ее, после чего может быть отведен следующий участок (по указанию приискателя) и т. д. Работы должны вестись непрерывно, кроме зимнего времени, и золото, как и на всех приисках, непременно сдается в казну.

Добыча золота непрерывно растет.

В 1921/22 операционном году было получено 4600 *кг*, 1922/23 год дал уже 11 500 *кг* (не считая Дальнего Востока). Вместе со всей хозяйственной жизнью налаживается и золотопромышленность, только темп этого налаживания не может быть особенно быстрым вследствие отсутствия оборотных средств, дороговизны оборудования и отрезанности приисковых районов от удобных путей сообщения.

1333/1/1911

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Учебная библиотека М. Х. Т. В.

ПОКАЗАНО

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
На работу	3
Бутара	7
Разведка	30
Смыв	44
Гидравлика	58
Рудник	80
Обратно	88
Вообще о золоте и золотопромышленности	92

1 p 951 r.